

Инквизитор

Александр Мазин

Слепой Орфей

«Автор»

Мазин А. В.

Слепой Орфей / А. В. Мазин — «Автор», — (Инквизитор)

Их пятеро. Но перешагнуть через смерть сумеет только один. Мистический триллер в стиле Дина Кунца и Стивена Кинга. Современные колдуны и современный Инквизитор объединяются против общего врага.

© Мазин А. В.

© Автор

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	16
Глава третья	21
Глава четвертая	25
Глава пятая	30
Глава шестая	37
Глава седьмая	42
Глава восьмая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Александр Мазин

Слепой Орфей

Часть первая

Морри

*Красный дракон расправляет крылья
Льется в огонь молоко кобылье,
Смешанное с рудой.
Ветер щеку обметает зноем,
Воздух накатывается воем...
Маленький и худой
Странник идет по спине хайвея.
Посох скребет: тук-ки-шир-р-р. Левее —
Воздух. Пока ничей.
Брюхо, нависшее над столбами...*

*...Выгнулся, выдул на пробу пламя.
Вытянул девять шей,
Зарокотал, полыхнул глазами —
Лязгнул шипастый хвост,
Перешибая бетонный стебель...*

*...Полдень. Июль в раскаленном небе.
Странник ступил на мост
И оглянулся на солнце: «Поздно».*

*...Жесткие крылья поймали воздух,
Грохнули, брызнул яд
И зашипел на стальных опорах...*

*Странник застыл, наклонившись...
Город. Дымный машинный ряд.
Твердь, дребезжащая под ногами.
Пыль впереди, а сверху, кругами —
Резкий протяжный свист,
Тонуций в автомобильном рое...*

*— Вот оно, маленькое, живое,
Падающее вниз...*

Глава первая

Гравий хрустел под колесами. Морри подкатил машину к бетонному столбу с надписью: «Охраняется...»

От площадки в лес шла выпуклая дорожка с канавами по обе стороны. Крупинки кварцевого песка искрились на солнце.

Морри захлопнул дверцу, перепрыгнул через канаву, нырнул сквозь желтеющий кустарник и оказался на узловатой от выпирающих корней тропке. Тропка змеиными петлями вползала в чащу.

Приволакивая раненую ногу, Морри неровной рысцой припустил по тропке. Остановился, когда одолел километров пять.

Прислонившись спиной к липкой сосновой коре, Морри позволил себе передохнуть.

Нет, это не его лес. Слишком мелкий, суетный, привычный к человеку и побаивающийся его, Морри. Ишь затаился, притих. Даже птицы смолкли. Ничего, привыкнут. Морри потянул в себя сырой прелый воздух, прижал руки к туловищу и окунулся в душистый розоватый ствол.

Сосенка вздрогнула, затрещала, в ужасе попыталась отторгнуть чужое, но Морри растопырился, продвинулся вверх и, как ни слаб был, без труда впитал в себя древесное существо. Вершок за вершком он овладевал жесткими клетками, наполняя их собственной жизнью, размягчая до гибкости заскорузлые оболочки, многократно ускоряя неторопливое течение соков. До тех пор, пока каждая частичка сосны не стала им, Морри. Тогда, качнувшись стволом влево-вправо, он с хрустом вытащил из земли половину корневища. Балансируя кроной, Морри перенес его поближе к тропе и снова запустил в грунт, переплетая для надежности с корнями соседних деревьев, прирастая к ним, чтобы подпитаться и их силой. Затем, плавно и осторожно, Морри вытянул из почвы вторую половину корневища, откинулся назад, опершись на ствол соседней сосенки. Освободившиеся корни, облепленные рыжей рыхлой землей, повисли над тропкой подобием незавершенной арки. Со стороны дерево выглядело так, будто его своротил ветер.

Знакомое дремотное состояние постепенно овладевало Морри. В этом таилась опасность: утратить себя, стать самым деревом, неподвижным и беспомощным. Какая мутная сладость – растворить двойную сущность в покое растительного существа!.. Пища. Нужна Пища!

Поднялся ветер. Сосновые кроны задвигались, заговорили. Ветер радовал их. Где-то неподалеку прогрехотала электричка. Морри ушел сознанием поглубже, в сосущую сеть корней.

«Потом... забраться подальше...» – вяло подумал он.

Длинный узкий стол покрывала накрахмаленная до хруста простыня. На простыне, расслабленно вытянувшись, лежала голая золотисто-коричневая женщина. Четырьмя метрами выше женщины нависал лепной, грубо забеленный потолок. Справа от стола пара окон глядела на искривленный силуэт пойманного в каменную щель тополя. Слева располагалась старинная двустворчатая дверь. Сейчас дверь была распахнута и сентябрьское солнце, пройдя сквозь стекло, сквозь пустое пространство соседней комнаты и высокий дверной проем, расплескивалось о полированную черноту мебельных плоскостей. Ниже сыто искрился густоворсный германский ковер, выдержанный в синих и белых тонах. Красный цвет был представлен пунцовой розой, одиноко увядавшей в горле богемской вазы. Итак, лишь три вещи здесь, утратив блеск юности или искру новизны, вошли в ту пору жизни, которую из вежливости называют зрелой красотой. То были: роза, женщина и сама комната.

Женщина, разгоряченная и полуобмякшая, распласталась на животе, созерцая афро-азиатскую фантастическую страсть, созданную напрочь лишенным фантазии американским продюсером. А пока в глазах женщины, больших, черных и похотливых, отражалась смуглая кружевясь тел, спина ее отдавалась властной силе мужских рук, мнувших сквозь разогретую мякоть похрустывающий позвоночник.

Мужчина, ниже пояса облаченный в черное трико, а выше – в собственную кожу, нависал над распростертым телом и терпеливо выдавливал из него многообразную грязь Города.

Мужчину звали Дмитрием. Имя женщины не имело значения. Одна из многих, ложившихся на этот стол, чтобы за приличные деньги получить не менее приличные услуги. Дмитрий Грошный был способен на большее. Но большего не хотел. Со времени последнего исчезновения Сермаля Грошный умело и успешно погружал себя в некое подобие духовной спячки. А на иронические замечания прочих Сермалевых выкоремышей Дмитрий отвечал, криво улыбаясь: «Я – мышь. Мышь и рыба. Зимой мы спим».

Впрочем, то был довольно крупный экземпляр мыши. Метр девяносто два.

Нежно заворковал телефон. Грошный, не глядя, ухватил трубку. Вторая рука его продолжала мять и проворачивать.

– Братик,– сказала трубка красивым женским голосом.– Ты как?

– В норме,– кратко ответил Грошный.

Зажав трубку плечом, он снова подключил к делу обе руки.

– А я на дачу поеду. Витя сторожа в город вызвал, Ходжа там второй день без еды. Еще сожрет кого-нибудь.

– Он может,– с тем же лаконизмом отреагировал Грошный.

– Работаете?

– Угу.

– Ну, не буду мешать. Чмок!

Трубка вернулась на место. Рука женщины оторвалась от простыни, поискала в воздухе и коснулась мускулистого мужского живота. Блестящие черные глаза по-прежнему не отрываясь глядели на экран.

Грошный слегка отстранился.

– Сударыня,– произнес он солидно,– вы меня отвлекаете.

Рука вернулась на место.

– Извините,– хрипловатым контральто сказала женщина.

Раскаяния в контральто не ощущалось. Телефонная трубка вновь заворковала.

– Да-а?

– Димон! Это Стежень! Быстро приезжай ко мне!

– Глебушка, извини. Я мну клиента.

– Пошли его на хрен, Димон! Приезжай в темпе. Очень круто!

И короткие гудки.

Грошный вздохнул, отошел от стола, встряхнул кистями, затем достал из бара пакет с соком, опорожнил пакет в два длинных стакана. Один протянул женщине. С минуту оба пили сок и смотрели телевизор.

– Сударыня,– задушевым голосом произнес Грошный.– У моего друга неприятности. Искренне сожалею, но мы должны прервать сеанс. Деньги я, разумеется, верну.

Женщина перевернулась на бок, потянувшись, взглядом гурмана окинула худощавый мускулистый торс.

– Ах, Дима,– кошачьим голоском протянула она.– О чем вы? Это же мелочь.

Откинув голову, она выжидательно поглядела на Грошного. Помедлив секунду, Дмитрий наклонился и поцеловал темно-фиолетовые губы. Потом вежливо, но решительно освободился от объятий:

– Я очень спешу, сударыня. Очень. А ехать мне далеко. За город. Прошу вас, одевайтесь!

И вышел в распахнутую дверь.

Всхлипывающие звуки динамиков телевизора вывели женщину из приятного оцепенения. Она взяла пульт и безжалостно «прикончила» любовников на самой вершине блаженства.

– Дима! – крикнула она в пространство.– Вы звоните мне, когда вернетесь.

– Непременно, сударыня! – Грошный выключил воду и вытер руки.

Надев рубашку, он смотрел сверху вниз на мутную воду Карповки и размышлял: что же должно случиться, чтобы Глеб Стежень сказал: «Очень круто!»?

Спустя четверть часа светло-серая «девятка» Грошнего выехала из арки на Каменноостровский проспект. Навстречу судьбе.

Было уже за полдень, когда затуманенное сознание Морри уловило: кто-то идет по тропе. Морри встрепенулся, попробовал изучить идущих сквозь корни дальних деревьев, но только еще раз убедился с досадой: это не его лес. Вскоре, впрочем, он увидел сам. Двое. Человек и зверь. Женщина в голубой куртке с откинутым на спину капюшоном и рыжая кавказская овчарка с задранным вверх лохматым хвостом.

Собака, бежавшая впереди, поравнялась с Морри, обнюхала вывороченные корни и зарычала.

– Хо! Кто там, Хо? – издали крикнула женщина.

Метелка хвоста упала. Кавказец пятился, оскалившись и прижав уши.

– Хо!

Пес вдруг сорвался с места и ринулся в чащу. Отбежав метров на двадцать, оглушительно залаял.

Женщина остановилась. От нее до вывороченной сосны – не больше десяти шагов. Морри с трудом справлялся с желанием: выброситься из ствола и схватить.

– Хо! Иди сюда! – крикнула хозяйка и сделала еще два шага по тропе.

Кавказец ринулся к ней, с треском проломился через малинник, ухватил за рукав куртки.

Женщина засмеялась:

– Эй, куда ты меня тащишь?

Огромный пес целеустремленно волок ее с тропы.

– Ну ладно, дурачок, – сказала женщина. – Пойдем посмотрим.

Морри испытал острое разочарование. Но остался на месте. Не стоит рисковать. В этом лесу люди не так уж редки, можно и потерпеть немного.

Терпеть пришлось недолго. Женщина и собака возвращались. И на сей раз псу не удалось увести хозяйку с тропы.

– Там ничего нет, Хо, мы уже смотрели! – и строгим голосом: – К ноге! Рядом!

Кавказец нехотя подчинился. Только когда до опрокинутой сосны осталось несколько шагов, пес заскулил. Женщина ласково потрепала огромную медвежью голову:

– Рядом, малыш, рядом!

Так они и вошли под нависшие корни: светловолосая женщина в голубой куртке и прижавшаяся к ее бедру поскуливающая овчарка.

Морри качнулся и опустился вниз.

Женщина даже не вскрикнула. Обрушившееся корневище ударило ее по голове и вмяло в рыхлую землю.

Пес ухитрился выскользнуть. С визгом он отпрыгнул назад, но тут же вернулся и, свирепо рыча, вгрызся в смолистое дерево.

Морри не обращал на него внимания. Всем существом он рвал, впитывал, включал в себя восходящий поток. Рана на ноге зажила мгновенно. Пища! Его Пища! Морри задрожал от наслаждения, и дерево заходило ходуном. Пес отпрянул, но через секунду опять впился в облепленный землей корень.

Морри наполнялся Жизнью! Лучше бы, конечно, выход ее не был таким внезапным. Ей бы побурлить внутри обреченного тела, напиться терпкой болью, страхом... Но нынче Морри не до тонкостей. Настоящий голод делает восхитительной любую Пищу.

Поток иссяк. Морри успокоился и вышел из ствола.

Пес увидел его и шарахнулся. Ужас и ненависть боролись в звере. Распахнув черную пасть, кавказец поджал хвост и завыл. Ужас и ненависть.

Ненависть победила. Вой перешел в хриплый рык, и громадный зверь бросился на Морри. Толстые лапы ударили в грудь, клыки вонзились в горло...

Для Морри молниеносный прыжок пса не показался быстрым. Он позволил собаке соприкоснуться с собой, ощутить клыками добычу... И вошел в тело овчарки.

Кавказец ошалел. Боль и ужас. Ослепший, истощенно воющий пес бросился в лес. Но уже на третьем прыжке Морри бросил его на острый обломок сука, а затем легонько сжал собачье сердце. Морри не собирался уходить далеко от первой жертвы. Агония собаки не представляла интереса, и Морри вернулся к своей сосне.

Голова и грудь женщины были придавлены корнями. Снаружи осталась лишь нижняя часть тела. Желтый резиновый сапог валялся рядом: должно быть, пес пытался вытащить хозяйку. Морри потрогал толстый носок, провел ладонью по голубой шерсти брюк. Нога была теплой.

Подсунув руку, Морри приподнял тело и свободной рукой стянул с женщины брюки. До щиколоток. Затем положил ладони на обнаженные колени. Темно-коричневые пальцы глубоко погрузились в мягкую плоть. Морри приблизил ноздри к коже, понюхал.

«Молодая, – подумал он. – Хорошо».

Его руки еще раз нырнули под куртку и стянули вниз трусики из алого, как мак, шелка. Сognув ноги убитой, Морри широко развел ее колени и откинул полы куртки.

Меленький дождик заворковал на верхушках сосен. Падающие капли застывали выпуклыми глазками на приподнятых бедрах женщины.

Морри нырнул на дно памяти. Отыскал нужные воспоминания. Низ живота, лоно, бедра, колени – все выглядело очень привлекательно. То, что верхняя часть осталась под корнями, лишь усиливает ощущение. Тот, кому приготовлена ловушка, окажется рядом раньше, чем сообразит, что приманка мертва. Даже если сообразит... И если придет.

«Придет», – уверенно подумал Морри.

Та часть его, которая некогда принадлежала человеку, нисколько в этом не сомневалась. Морри скользнул сознанием к псу. Пес уже издох.

«Хорошо», – подумал Морри и втокнул плечо в дрогнувший ствол сосны.

Заляпанная грязью «девятка» остановилась у ворот двухэтажного бревенчатого дома с рыжей черепичной крышей. Клаксон требовательно загудел.

Входная дверь приоткрылась. На крыльцо солидно вышел черный котенок с голубыми наивными глазами... и шарахнулся в ужасе, когда из дома выскочил бородастый мужчина с топором в руке. Бухнула, захлопнувшись, дверь – котенок сиганул вверх по стене, а мужчина вихрем пронесся по двору, махнул через ворота, едва коснувшись рукой стальной перекладины, и упал в открытую дверь машины. «Жигули» подпрыгнули.

Водитель повернул голову. Белесые брови шевельнулись.

– Полегче, – сказал он. И указал на кровоподтек, расплывшийся на виске бородастого: – Форму теряешь, Стежень. Кто это тебя приложил?

– Потом, Димон, потом! – Бородастый бросил под ноги топор, ткнул водителю исцарапанную руку: – Поехали, дорогой!

Дмитрий Грошник пожал протянутую ладонь, поднял топор и аккуратно переложил на заднее сиденье.

– Ремень, – сказал он, уронив руки на руль. – Куда едем, Глеб?

– На трассу и налево!

Грошний, аккуратно огибая ямы, повел машину между черными заборами. Котенок вспрыгнул на почтовый ящик, задумчиво облизнулся и поскреб лапкой приваренную к воротам бронзовую табличку с гравировкой:

Центр
«ПРАКТИЧЕСКАЯ НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА»
ФИЛИАЛ
ГЛЕБ ИГОРЕВИЧ СТЕЖЕНЬ
Вице-директор

Сграбастав в кулак бороду, вице-директор зыркнул на рубленый профиль водителя.

– Слушаю тебя очень внимательно, – сказал Грошний, не поворачивая головы.

Стежень хмыкнул, ухмыльнулся:

– Нынче с утречка заправился я пошукать кой-никакой травки...

Водитель дернул щекой:

– Попроше нельзя?

Глеб Игоревич прищурился... и вдруг ткнул Грошнего кулаком в плечо. Машина вильнула, едва не угодив в канаву.

– Чтoб ты не подумал: я спятил, – пояснил Стежень.

– Я не думаю, я знаю, – проворчал Дмитрий.

«Девятка» выбралась на асфальт. Стрелка спидометра поползла вправо и остановилась на девяноста.

– Димон, – сказал Стежень, – резина с меня.

– Зимняя, – уточнил Грошний.

– Зимняя.

Стрелка двинулась дальше.

– Южное лесничество знаешь?

– Где полигон?

– Именно.

– Знаю. – Грошний скосил на попутчика серые ленивые глаза. – Мы едем в другую сторону.

– Мы едем, куда надо. – Стежень откинулся на спинку, вытянул ноги.

«Жигули» обошли рейсовый автобус, затем пожилой «опель». Потом их самих обогнал молодой «опелев» земляк.

– Ты говори, – произнес Грошний, не отрывая глаз от дороги: «девятка» шла на пределе управляемости.

– Да, – сказал Стежень. – Южное лесничество. Приехал я часов в шесть. Машину поставил – и в лес. Дорога известная: сам тропу топтал. – В голосе вице-директора проявились ласковые нотки. – Ельничек. До декабря грибами пахнет. Тишина, вояки в такую рань по нынешним временам еще харю дают. Иду, напеваю. Вдруг... – Стежень сделал драматическую паузу. – Как мороз под сердце! Так с поднятой ногой и застыл. Господи, думаю, что за херня?

Водитель фыркнул. Глеб Игоревич тоже улыбнулся, потом нахмурился и потер ушибленный висок.

– Да уж, – сказал он. – Ладно. Ногy я поставил остороженько, глазами повел: елочка. Знакомая. Та, да не та! Ветки не по природе задраны, да и поле у нее какое-то... кудлатое.

– Это как? – спросил водитель.

– Ну с нервностью такой... недревесной. Словами трудно описать, попробуй так въехать. Здесь притормози, Дмитрий, метров через пятьдесят – налево по бетонке.

– Там тупик, – заметил Грошний.

– Ты езжай, езжай, – ласково проговорил Стежень. – И слушай. Значит, елочка. Отстегнул я про всякое лихо топорик: если дрянь какая меня выглядывает – поостережется... Вот этот самый поворот... И к елочке. Иду, а идти не хочется. Совсем не хочется, Димон, ноги сами задом наперед изворачиваются. Но – любопытно! В лесу я, ты знаешь, считай, все изведаль, спасибо Сермалю. В кедрачах жировал, по Закавказью чуть не год... шатался. А тут, дома, – этакое диво!

Десять шагов прошел – что десять верст. Взмок, веришь, трясусь, как малярный. Елочка – вот она, рядом. Корни голые из земли торчат. Наклонился – разглядеть... Ё-о! – Стежень хлопнул себя по колену. – С хрустом в висок! Полный иппон! В глазах – тьма, в башке – набат. Лежу мешком и, как сквозь туман, вижу: у ноги моей – корень. С руку толщиной. Извернулся, как червяк-переросток, и раз – петлей на лодыжку!

Тут рассказчик сделал паузу. Не драматизма ради, а чтоб пот утереть. Какой уж тут, к хренам собачьим, драматизм!

– В общем, прихватил меня и к земле прижал – как капканом. Боль адская! Взыл я, Димон, топором маханул – и промахнулся. Целил в корень. А попал в ствол. Хорошо хоть ногу себе не оттяпал. Но крепко вогнал, на ладонь, не меньше. И тут словно завизжал кто-то. Мерзкий такой звук – как хлыстом по ушам. Ветки надо мной замельтешили, а из елочки, прямо из ствола – выскочил! Черный такой, быстрый. Мелькнул, что твои нунчаки. Мелькнул и сгинул. Черт? Леший? Подумал сначала: может, померещилось? Перед глазами и так от боли – полная радуга. Ладно. Запихал боль подальше, выдернул топор, еле-еле, двумя руками. Корень, слава Богу, больше не шевелится. Я его рублю, скулю, как шакал на привязи. Хорошо – топор добрый, дедов. Управился, освободился. Сел, голову ощупал: висок – сам видишь, но кость цела. Ветка, что меня ударила, прямо над макушкой покачивается.

– Куда теперь, налево? – перебил Грошный.

– Прямо. Короче, отполз я на карачках подальше. Чувствую, сейчас крыша потечет. Чтоб меня, травника, дерево ударило? Они ж меня любят! Ладно. Встал – ноги держат. Потрогал ствол – нормальный, живой, холода нет. Только дрожь изнутри. Но тоже нормальная – больное деревце. Ладно. Замазал надрубы землей, побрел к машине. А машины нет! Только след от разворота. А у меня ведь хоть машина и неказистая, но противоугонка – не просто железка с замком. Только дверь тронь – орать начнет, как олень в гону. Ты же слыхал?

– Слыхал, – согласился Грошный.

По днищу «Жигулей» застучал гравий.

– Приехали, – сказал водитель. – Тупик. И «Нива» твоя вон стоит, если тебе интересно.

Стежень распахнул дверцу, ухватил топор... Грошный поймал его за руку. Открыв бардачок, достал газовый пистолет, вложил в ладонь Глеба взамен топора.

– Покалечить ты и руками можешь, – сказал он. – А это поаккуратней.

Стежень сцапал пистолет, выкатился наружу и через секунду уже сидел внутри «Нивы».

Грошный посмотрел на топор, который держал в руке, потрогал лезвие, щелкнул ногтем. Металл отозвался чистым звоном. На лице Дмитрия появилось выражение искреннего интереса. Его пальцы быстро огладили стальную поверхность, нащупали бугорки полустершихся букв. Лицо Грошного оживилось еще более. Взяв отвертку, он поскреб ею топор, затем поднес к лезвию огонек зажигалки. Пламя приобрело слабый фиолетовый оттенок.

Тут вернулся Стежень.

– Он, стервец! Был внутри, точно!

– Кто, леший? – рассеянно спросил Дмитрий.

– Почти.

– Чудеса, – пробормотал Грошный, не сводя глаз с топора. – Лешие уже машины угоняют.

– Я найду его, Димон! – решительно заявил Стежень. – Должен найти!

– А на кой? – Грошный ласково, словно живое существо, оглаживал лезвие. – Нечисть нынче в Красной книге. Негуманно, Глебушка.

– Дурак ты, – резко сказал Стежень. – А я его сделаю!

Грошный посмотрел на друга удивленно: давненько он не видел Стежня в таком возбуждении.

– Ладно, – согласился. – Ты его сделаешь. Или он – тебя.

– Хрен! – Стежень сгреб друга за отвороты куртки. – Я! Я сделаю! Я, дорогой мой, чемпион! Понял, мануал херов?

Грошный даже не пытался высвободиться, только хмыкнул и похлопал Дмитрия по широкой спине.

– Да, – сказал он. – Я мануал. А ты был чемпион. Теперь ты просто оборзевший знахарь. Стежень засмеялся и отпустил куртку, вытащил из кармана пистолет:

– На, забирай свою красивую игрушку.

– Нравится? – спросил Грошный. – Триста баков. Махну на твой топорик.

– Не могу, – покачал головой Стежень. – Память дедова. Что, приглянулся? Заточку годами держит. – Поглядел на друга: – Ты что, всерьез? Про триста баков?

– Абсолютно, – подтвердил Грошный. И добавил слегка разочарованно: – Твоя-то игрушка подороже тянет. Ею дрова рубить – все равно что в шелковом кимоно нужник чистить.

– Топор – он и есть топор, разве нет?

– Голова! – сказал Грошный. – Суфий. Глянь-ка сюда. Видишь, углы сточены? Раньше полумесяц был. Смекаешь?

– Оружие, что ли?

– Махатма, – усмехнулся Дмитрий. – Мудрец ты наш сионский. Конечно оружие. Боевой топор. Вот здесь – следы клейма. И еще какие-то буквы. Стерлось все, но, думаю, в лаборатории восстановить можно.

Стежень с уважением поглядел на топор.

– И сколько же ему лет? – спросил он.

– Не меньше пятисот, – авторитетно заявил Грошный. – А скорее всего – значительно больше.

– Крепко, – произнес Стежень. – Топорище дед сам точил, – добавил он.

– Хорошее топориче, – вежливо согласился Грошный. И, ухмыльнувшись: – Лешего твоего будем искать или как? Осина-то здесь растет?

– Поостри, – буркнул Стежень, мгновенно помрачнев. – Нет здесь осины. Сосняк.

Дмитрий обхватил его длинной ручищей, стиснул:

– Хвост трубой, чемпион! Бойцы мы или нет?

Стежень смущенно хмыкнул.

– Ладно, – сказал. – Пошли.

* * *

Ратный, буланой масти жеребец захрапел и попятился. Всадник, рыжеволосый витязь, ловко нахлобучил на голову стальной шишак с бармицей, оставлявший открытым гладкое юное лицо, покосился на ближнего спутника, пегобородого мужика на мохноногой большеухой коняге.

– Лошади чувят, господин, дальше не пойдут, – сказал пегобородый и неловко соскочил на землю. – Вели челяди быть здесь.

Витязь скривил тронутую светлым пушком губу... Но смолчал. Привстав на стременах, он обернулся, махнул дружине рукой в латной рукавице: спешиться, ждать. Затем толкнул

каблуками жеребца. Тот неохотно двинул вперед. Время от времени конь встряхивал головой, словно отгоняя слепня. Пегобородый, прихрамывая, трусил рядом, держась за стремя.

– Колдун, – бросил всадник, – далеко еще?

– Тут он, душегубец. – Речь пегобородого стала невнятной, дышал он с трудом.

– А вправду говорят: его ни меч, ни стрела не берут? – В звонком голосе витязя не было страха, только любопытство.

– Говорят, господин.

– А ты что скажешь?

Жеребец с мелкой рыси перешел на шаг. Всадник не стал его понукать.

– Колдун!

– Да, господин?

– Я тебя спросил!

– Против нелюди особое оружие надобно... С наговором особым... – неохотно отвечал пегобородый. И замолчал. Но чувствовалось – сказал не все.

– Говори! – повелительно крикнул витязь.

– Да и того мало, – совсем тихо пробормотал пегобородый. – Все одно человеку с ним не совладать, ежели... ежели жертвы не будет.

– Язычник, – брезгливо процедил всадник. И добавил громче:

– А жертва, стало быть, ты?

Пегобородый смолчал.

– Или я?

– Ты, господин, – чуть слышно согласился колдун. – Вернемся?

– Не шути, смерд! – звонко и грозно крикнул витязь. – Я страха не знаю! Зато знаю вот его!

Витязь намотал повод на луку, вытянул из ножен длинный узкий меч, перехватил удобно, двумя руками.

– Вот, – произнес он уже спокойнее. – Гляди, колдун! Досель кто его пробовал – за добавкой не приходил!

– Тише, господин! – зашипел на него пегобородый, хватая жеребца под уздцы. – Злодей рядышком!

И вдруг взвизгнул:

– Вот он!

* * *

– Стой, – прошептал Стежень. – Там кто-то лежит...

– Где? А, вижу! – Грошний рванулся вперед, но Глеб успел схватить его за плечо:

– С-стой! Этот гад где-то близко!

– Ты что, не видишь? Баба там! – яростно прошептал Дмитрий. – Трахнул ее кто-то. Или похуже! Может, она помрет, пока мы тут...

– Уже! – отрезал Стежень.

– Что – уже?

– Мертва.

– Ты о...

Глеб ткнул Грошнего в грудь, и тот осекся – перехватило дыхание.

– Тих-хо, сказал! Этот – здесь!

– Где? – шепотом спросил Грошний, переводя дух.

Он обшарил взглядом поляну, просветы между елями, мохнатые темно-зеленые ветки, потом посмотрел на друга:

– Где? Не вижу...

– И не увидишь, – чуть слышно, одними губами, ответил Стежень. – Он в дереве сидит. Вон в том дереве...

...Морри увидел их значительно раньше. Двое. Один – тот самый. Морри не удивился, знал: придет. Морри не убил его тогда. Обезумел. Забыл, каково это, когда рвется собственная плоть. Обезумел. Не убил. Сейчас убьет. Кто видел Морри – становится Пищей Морри.

Подошли. Тот, что покрупней, сразу потянулся к приманке. Первый удержал. Правильно. Будь он иным, его жизнь уже ушла бы к Морри. И уйдет. Скоро.

Высокий стоял. А первый осторожно приближался. В одной руке – топор, в другой – машина, выбрасывающая кусочки металла. Морри подождал, пока Пища приблизится, и тогда нанес удар...

...Две ветки с двух сторон обрушились на Глеба. Но он был готов. Упал назад, увернулся от прыгнувшего змеей корня, откатился и вскочил на ноги.

– А ну покажись! – рявкнул он. – Покажись, пададь!

«Не получилось, – подумал Морри. – Дерево слишком неповоротливо».

Стежень застыл. Он не испытывал ни гнева, ни страха. И дело не в личной храбрости. Просто Глеб всегда был в большей степени сталкером, чем воином. А сталкер, если надо, поползет на брюхе, если надо, прыгнет на спину врагу. Но может схватиться с ним и лицом к лицу. Если надо. При этом он никогда не удивится *форме*, в какую обращается враг. Форма может быть любой. Это не имеет значения. И еще сталкер умеет *ждать*.

Морри выскользнул из ствола и застыл. Человек должен не просто увидеть его, а разглядеть. Это сделает Пищу более пикантной.

За спиной Глеба раздался приглушенный возглас. Грошный. Стежень услышал, как хрустнула ветка под ногой Дмитрия, когда тот подался назад. Стежень понимал друга. Зрелище действительно жуткое...

Уродец выскочил из ствола, как пробка из бутылки шампанского. Он напоминал тощего корявого человечка с крупной круглой головой. Темно-коричневая, без признаков растительности кожа, впалый живот, ни пупка, ни гениталий. Шеи нет. Вместо лица – африканская маска с дырками носа и рта. Красные, тускло светящиеся глаза...

Морри вдохнул сладкую волну. Мысли, эмоции, чувства того, кто станет Пищей. Хорошо. У жертвы должен быть запах. Аромат исходил не от первого, а от второго, но это не имело значения. Оба станут Пищей.

Морри не спеша двинулся к человеку. Тот начал медленно поднимать руку. К тому времени, когда Морри оказался рядом, рука человека достигла уровня его глаз. В руке – плюющаяся железом машинка. Морри не боялся железа. Ни горячего, ни холодного. Он протянул руку...

...Даже если бы Глеб хотел что-то предпринять, не успел бы. Монстр с невероятной быстротой бросился на него. Глеб успел только вскинуть руку и нажать на спуск.

...Жидкость залила глаза Морри прежде, чем он понял свою ошибку. Больно не было, но на какое-то время Морри ослеп и беспомощно затоптался на месте...

...Монстр завертелся волчком. Его движения были столь быстрыми, что очертания темного тела казались размытыми. Грошней понял: это последний и единственный шанс. Другого не будет. Короткий разбег, прыжок – послушное тело взмыло в воздух, нога выстрелила сверху вниз. Сокрушительный удар...

...Жидкость испарилась с лица Морри. Он увидел, что второй человек движется к нему. Вот человек подпрыгнул и сверху вниз плавно вошел в тело Морри...

...Глеб услышал треск разрываемого ударом воздуха. Дмитрий пролетел сквозь чудовище, как сквозь пустое место, не удержался на ногах и покатился по траве. Монстр тотчас оказался рядом, и Глеб услышал жуткий несмолкающий крик...

...Морри пропустил человека сквозь себя, а когда тот упал, неторопливо приблизился, запустил руку в горячую грудь и осторожно, чтобы не раздавить сразу, сжал нежное пульсирующее сердце...

...Глеб замер. Он видел, как Дмитрий в конвульсиях бьется на земле, а черный застыл над ним, подрагивая спиной. Мгновение – и внутри Глеба словно что-то взорвалось. Он рванулся вперед, подскочил к чудовищу и с маху двумя руками вогнал топор в глянцевую бугристую спину...

...Боль была ошеломляющей. Морри зарычал, развернулся, протянул руки, чтобы схватить...

...Монстр истошно завизжал. Так пронзительно, что боль рванула уши. Стежень скорее ощутил, чем увидел две черные тени, метнувшиеся к нему, махнул топором... и отрубленные лапы чудовища упали на жухлую траву.

...Морри посмотрел на свои отсеченные руки. Потом – на короткие сочащиеся обрубки. И наконец – на человека, вновь поднимающего топор. Тот самый топор! Как он мог забыть?

Человек двигался быстро, необычайно быстро для Пищи. И он весь источал голубое сладкое пламя. Морри видел, как оно струится по рукам человека и брызжет с маленького, будто обгрызенного по краям, но по-прежнему несущего боль лезвия. Морри отпрыгнул назад и ощутил, как уходящая Сила делает его неповоротливым.

«Пища! – подумал Морри. – Убить второго!»

И занес ногу над жертвой...

...Четвертый удар рассек тварь пополам.

Глеб уронил топор и без сил опустился на землю. Тело стало пустым и вялым. Голова – тоже. Никаких мыслей, никаких чувств.

Рядом лежал Дмитрий. Живой. Пока живой.

От мертвого черного исходил сильный специфический запах, похожий на запах мумии.

«Интересно... – проползла в голову первая осторожная мысль. – Что из *этого* можно приготовить?»

Глава вторая

Дмитрий тяжело осел на заднее сиденье. Он видел, как Глеб достал из багажника «Нивы» рукавицы и плащ-накидку из прорезиненной ткани и направился в лес. Через несколько мгновений силуэт Стежня¹ растворился в сумерках.

Грошний не хотел сейчас думать, за чем ушел друг. Трясущимися руками Дмитрий разорвал обертку «Верблюда», вытянул сигарету, закурил. В зеркале отражалось его лицо, серое, незнакомое. Волосы приобрели странный оттенок, заметный даже в наступающих сумерках. Грошний потянул упавшую на лоб прядь... и она осталась в пальцах.

В груди Дмитрия медленно повернулся кусок льда... Прядь была седой.

Стежень вернулся. Дмитрий услышал, как он открыл багажник «Жигулей», машина слегка качнулась. Хлопок закрывшегося багажника. Грошний увидел, как Глеб, уже налегке, идет к своей машине. Поставив «Ниву» на сигнализацию, Стежень вернулся к «девятке», занял место водителя, ободряюще коснулся плеча Дмитрия и повернул ключ.

– Что принес? – с трудом ворочая языком, проговорил Грошний. – Женщину?

– Нет.

Двигатель «девятки» бодро заворчал.

– Зачем взял? – дернулся Грошний. И застонал. Кусок льда опять заворочался внутри.

Глеб быстро обернулся, нахмурился и положил ладонь на грудь Дмитрия.

– Сейчас... – пробормотал он, – сейчас...

– Зачем взял? – еще раз повторил Дмитрий.

– Пригодится... – рассеянно ответил Стежень.

Грошний ощутил, как ладонь друга с силой прижимает его к спинке.

Боль унялась. Спряталась.

Дмитрий вздохнул с облегчением, а Стежень, наоборот, нахмурился.

– Черт его подери! – проговорил мрачно, убрал ладонь и включил фары. – Ладно, поехали.

– Черт его подери! – произнес Стежень, изучая кардиограмму.

Обследуемый Дмитрий Грошний полулежал в диагностическом кресле между блестящих металлических трубок с большой чашкой в руке. В чашке плескался густо сдобренный сахаром травяной настой. Плескался, потому что рука Грошнего начинала дрожать, стоило оторвать локоть от опоры.

Глеб возился уже третий час. «Просветил» Дмитрия всем, чем можно, – от тепловизора до собственных рук, прогнал через анализатор кровь, кожу, соскобы слизистых – и чем больше узнавал, тем безнадежней казалось дело. Организм Грошнего словно впал в детство. Но омоложением здесь не пахло. Аппаратура отражала лишь кое-какие параметры процесса: повышение температуры, ускоренный обмен, изменение состава крови. Некоторые факторы напоминали последствия лучевой болезни, некоторые намекали на воздействие сильных стимуляторов. Компьютер же просто порекомендовал повторить анализы – диагностическая программа сочла, что такого не может быть. Стежень склонен был с ней согласиться. Например, как сочетать апатичное лицо Дмитрия с адреналином, бурлящим в его крови?

Грошний подергал себя за волосы. Держатся. Отлично. Он уже почти успокоился. Глеб – гениальный целитель, и оборудование у него не хуже, чем в зарубежной клинике. Глеб вытащит!

– Можешь встать, – разрешил Стежень.

¹ Везде фамилия склоняется в авторской орфографии.

Грошный поднялся и побрел в туалет. Глеб проводил его мрачным взглядом. Кроме диагностической аппаратуры, у Стежня имелись руки, голова и чутье. Поэтому он знал: повторять анализы бессмысленно. Результаты почти наверняка будут другими... но столь же абсурдными. И обрабатывать их следовало вне рамок физиологии и биохимии. И тогда можно будет уловить нечто. Нечто, целенаправленно и последовательно превращающее Дмитрия Грошного непонятно во что. Скорее всего в труп. Или хуже.

Глеб в задумчивости поглядел в окно на синюю яркую луну. Полнолуние. Это хорошо. Если подходить с обычной знахарской меркой. Вот только мерка коротковата.

Решение напрашивалось. Старый метод, придуманный задолго до рождения Глеба. Клином клином...

За дверью раздались шаркающие шаги – Дмитрий проследовал в гостиную.

Стежень размышлял. Прикидывал, когда изменения достигнут критического уровня. Выходило: уже через несколько часов. И каждая прошедшая минута – упущена.

«Если рисковать, то прямо сейчас», – решил Глеб.

Да! Прямо сейчас!

Стежень быстро спустился в подвал, в лабораторию, отворил толстую дверь морозильной камеры, вынул оттуда полиэтиленовый пакет, перенес его в антирадиационный шкаф и опустил прозрачную стенку. Индикатор внутри шкафа весело застрекотал. В пакете хранилась отрубленная конечность монстра.

Стежень помедлил минуту: постоял, подумал.

Риск был огромный. Ум говорил – «нет», интуиция говорила – «не делай»... Но...

Идет волна. Уже идет.

Будь у него время, Глеб нашел бы, с кем посоветоваться. Слава Богу, они с Димкой – не единственные Сермалевы птенцы. Но времени не было. Да и насчет птенцов – смешно. Сейчас Стежень мог рассчитывать только на себя. И на Бога.

Всунав руки в защитные, запрессованные в переднюю стенку рукавицы, Стежень развернул пакет, маленькой дисковой пилой отделил образец примерно в кубический сантиметр и вложил в мельницу. Подождал, пока шары изотрут образец в однородный порошок. Привычный звук мельницы успокаивал.

Полученный порошок Глеб перенес в фарфоровый стаканчик, добавил тридцать миллилитров оливкового масла, тщательно размешал и накрыл стаканчик пластинкой. Затем аккуратно упаковал конечность и вернул ее обратно в морозильник.

Взяв стеклянную палочку, которой размешивал взвесь, Стежень осторожно ее понюхал. Специфический запах сохранился, даже стал сильнее.

Глеб почти минуту глядел на коричневый налет на палочке и никак не решался... Но выбора не было. Сначала он должен *сам*...

– Помилуй, Господи... – пробормотал Глеб и поднес палочку к губам.

Ничего не произошло.

Взвесь оказалась горько-соленой, с резким привкусом.

И только.

Стежень облегченно вздохнул, выждал полминуты, чтобы совсем успокоиться, прихватил стаканчик и отправился в гостиную.

Грошный смотрел телевизор.

– Пойдем, – сказал Стежень. – Наверх, в кабинет.

– В какой? – спросил Дмитрий, поднимаясь.

Кабинетов у Стежня было два; один – для посетителей, престижный, второй – для дела.

– В рабочий, – ответил Глеб, пропуская Грошного вперед.

Пока поднимались по лестнице, Стежень заметил: Дмитрия пошатывает. Но не от слабости. Что-то с координацией.

Рабочий кабинет Стежня отличался от гостиной, как горный ботинок – от модельной туфли. Самое надежное место в доме.

Глеб поставил стаканчик на письменный стол.

– Садись.

Дмитрий опустил в старое просторное кресло. Стежень – напротив, так, чтобы затылком чувствовать горящую под иконой лампадку, подумал: «Сказать или нет?»

Решил: не стоит. Взял стаканчик и протянул Дмитрию:

– Пей.

– Что это? – насторожился Грошный. И у него было чутье, тоже ведь Сермалев выученик, хоть и подрастал на ерунду.

– Лекарство! – резко сказал ему Стежень. – Пей!

Дмитрий заглянул в стаканчик, понюхал и скривился...

«Узнает...» – подумал Глеб.

Не узнал. Грошный вздохнул, и одним глотком проглотил содержимое.

* * *

Уродливый лешак выперся из ствола и обугленным пнем торчал посреди тропы. Колдун выронил стремя, застыл на месте.

«Трус», – брезгливо подумал витязь и движением колен послал жеребца вперед. Дробленый² лиственный свет играл на узком клинке у конского уха.

Без малейшего разбега, быстрее глаза, будто подброшенный пинком, урод прыгнул на всадника.

Но того недаром сызмала изнуряли воинским трудом.

– А-а-ахс... – пропел меч, и две половинки чудища упали на траву по обе стороны дрожащего коня.

– Так вот! – удовлетворенно воскликнул витязь, одним движением соскакивая с седла наземь.

Ведьмак попятился от него, и витязь усмехнулся. Сорвав пук вялой травы, он протер клинок на всякий случай – сталь даже не замутнилась, – вложил его в ножны и тронул сапогом перерубленное наискось тулово:

– Ну страхолюдина... – протянул с омерзением.

И тут судорога свела витязю спину.

Страшно закричав, он упал на траву, забился, брызжа слюной. Руки в толстых рукавицах молотили по земле, ноги быстро-быстро дергались, пропахивая борозды в рыхлой почве.

– Бедняк ты бедняк! – с искренней жалостью промолвил ведун, сунул руку за пазуху и вытянул нож с белой костяной ручкой.

Взмах – крик в горле витязя перешел в клекот, потом – в хрип и наконец затих. Затихло и тело.

Ведун тщательно обтер замаранный кровью нож и положил на траву.

– Добрый был бы воин, – сказал он, обращаясь то ли к себе, то ли к витязеву коню.

Жеребец подошел к хозяину, потрогал губами белое, сведенное спазмом лицо и фыркнул.

Ведун развязал суму, вынул оттуда засушенную тыковку и еще свинцовый, грубо отлитый сундучок. Взяв нож, отсек от мертвого чудища шмат с пол-ладони, ловко, лезвием, забросил в тыковку, тыковку заткнул и упрятал в сундучок.

– Сделал дело, гуляй... – пробормотал ведун сам себе и свистнул.

² Авторская орфография.

Мохноногая лошадка прибежала на зов. Ведун вскарабкался в седло и потрусил к оставленной челяди.

Небольшой отряд ждал, перегородив тропу.

Увидя колдуна, старшой, детина на крупной вороной кобыле, двинул навстречу. Бляхи на его панцыре³ сияли зеркалами, но рожа – мрачней тучи.

– Что? – спросил, приглушая голос.

– Сделано, – коротко ответил колдун. – Плата?

Старшой молча бросил мешочек. Губы воина кривились, брови хмурились грозно. Но пегобородый его и в грош не ставил.

– Слушай сюда! – сказал колдун. – Лешака не тронь. Ни железом, ни рукой не тронь. Забросай ветками и сожги. Место обозначь и вели, чтоб трижды семь лет обходили кругом. Господина своего можешь забрать. Чист.

– Мертв? – спросил старшой, вздрогнув.

Колдун не ответил.

Повернув лошаденку с тропы, поехал прямо в чащу. Казалось, ветки раздаются в сторону, пропуская его.

– Эй! – неуверенно крикнул старшой. – Что Ругаю сказать?

Колдун вроде как не услышал. Старшой проводил его ненавидящим взглядом, но ни сделать что, ни сказать злое – не решился. Ведьмак, разорви его...

* * *

И опять ничего не произошло.

Дмитрий спокойно сидел в кресле, скользил рассеянным взглядом по стенам, сглатывал слюну от мерзкого вкуса зелья. Глеб тоже расслабился, даже глаза отвел...

Тяжелое, дореволюционной работы кресло с грохотом врезалось в дверь, вышибло ее и застряло в проеме.

Стежень, еще ничего не осознав, на рефлексе, отпрыгнул от стола, изготовился...

Грошный стоял на полусогнутых ногах, а тело его огромным маятником раскачивалось-выгибалось взад-вперед, будто резиновое. С каждым махом голова глухо стукалась о половицы. Руки Грошного стремительно, со свистом, как два винта, рассекали воздух.

Чудовищный этот танец длился, может, секунд семь-восемь, потом Дмитрий застыл, медленно повернул лицо к Стежню, и Глеб увидел, как сквозь привычные черты проступила черная африканская маска...

Монстр!

Стежень попятился, опрокинул лампадку. Огонек потух, масло выплеснулось на рубашку...

Монстр вдруг оказался на столе. Тело содрогалось, каблуки выбивали частую чечеточную дробь, лицо дергалось и искажалось с невероятной быстротой. Только глаза, горящие, нечеловеческие, оставались неподвижными, устремленными на Стежня...

Тварь прыгнула, вытягивая руки...

Стежень не успел защититься. Никто бы не успел...

Но из-за спины Глеба будто выскользнули чьи-то светлые руки. Выскользнули, обняли – и тварь, ударившись о них, завизжала дико, как ошпаренная собака, отпрыгнула, напрыгнула снова, и еще, и еще... словно заклинило кинокадр: назад-вперед-назад-вперед-назад... потом монстр завертелся волчком и выметнулся из комнаты прочь.

³ Слово «панцырь» здесь и далее пишется не в новой, а в традиционной орфографии (примеч. авт.).

Глеб судорожно вздохнул, подтянул стул, сел. В глазах еще мелькало-прыгало чудовище, но чутьем Стежень знал: в его доме твари уже нет. Хотя облегчения от этого Глеб не испытывал. Скорее, наоборот.

Стежень сидел в кресле у своего рабочего стола и глядел на лик Спасителя.

Лампадка снова горела, сорванная дверь повешена на место, даже кресло, сработанное век назад, не пострадало. Казалось, в комнате все по-прежнему: надежно и в порядке... Увы, острый запах монстра еще сохранялся в воздухе.

Глеб вздохнул. Да, ему ничего не стоило выследить чудовище. А дальше? Он прекрасно понимал: как только они встретятся, Стежень тут же перестанет быть охотником. И никакой заговоренный топор больше не поможет. Потому что там, внутри твари, – Дмитрий.

– Господи, – пробормотал Глеб, с тоской глядя на икону. – Что мне делать?

Глава третья

Стежень любил свою жизнь. Он устроил ее так, как нравилось, и не собирался ничего менять. Чем большую силу ощущал в себе Глеб, тем меньше ему хотелось пускать ее в ход. От мальчишки-чемпиона не осталось почти ничего.

«Ты прирожденный победитель», – сказал ему как-то один из самых лучших (и самых незаметных) бойцов Питера. – Но если ты не уйдешь с татами, рано или поздно тебя побьют».

Речь шла не о простом проигрыше. И тот, кто говорил, никогда не участвовал ни в одном чемпионате. Стежень усомнился. Он считал себя воином. А жизнь воина – в борьбе.

Это же кайф!

А годом позже то же самое сказал ему Сермаль. Невероятный, непредсказуемый, всеведущий Сермаль почти слово в слово повторил сказанное насчет татами.

– Я воин! – возразил Стежень.

Сермаль расхохотался:

– Тебя обманули, сын земли! – Глеб даже обиделся.

– А кто, по-твоему, воин?

– А вот он, – Сермаль кивнул на Игоева, и тот тоже захохотал.

Стежень не поверил. Игоев? Добрый, мирный увалень Игоев – воин? И Глеб счел сказанное очередной шуткой насмешника Сермаля.

Но в любой шутке содержалось зерно правды. И на этот раз зерно проросло...

До полуночи оставалось чуть больше часа, когда Стежень услышал посторонний звук. Не в доме. Снаружи.

Глеб бесшумно сбежал вниз по лестнице, подхватил топор, прижался спиной к стене коридора и застыл в ожидании.

Входная дверь осталась незапертой. И ворота.

Стежень отчетливо слышал шаги. У него не было уверенности, что снаружи – *тот*. Но Глеб был готов. Расслабленный и настороженный, он был готов ко всему. Поскольку не знал, какое еще обличье способна принять тварь. Незнание – минус. Зато рукоять, удобно расположенная в ладони, – плюс.

Шаги стихли. Дверная ручка повернулась, чуть слышно скрипнув... Человек, огромный, как вставший на задние лапы медведь, переступил через порог.

Лицо вошедшего заросло густой, как мех, светлой бородой. Широкие скулы, высокий, выпуклый, с залысинами лоб и желтые пшеничные волосы делали его похожим на льва.

Противная дрожь – запоздалая реакция на стресс – накатила на Глеба, но углы его рта невольно растянулись в улыбке...

Вошедший шагнул вперед – отлично пригнанные доски пола прогнулись и заскрипели под его тяжестью, – вынул из руки хозяина топор и сграбастал вице-директора в охапку:

– Здравствуй, Глебушка!

– Как ты впору... – только и сумел пробормотать Стежень, утыкаясь бородой в мягкую ткань куртки.

– А то!

Вошедший отпустил Глеба, отодвинул от себя, оглядел... Рядом с ним высокий широкоплечий Стежень смотрелся скромно. В лучшем случае – как Илюша Муромский рядом со Святогором.

– Бог тебя привел, Кир! – благодарно проговорил вице-директор.

– Угу.

Кирилл Игоев снял и аккуратно повесил куртку, проследовал в гостиную, зажег свет, опустился в «свое», широченное, под стать, кресло и с удовольствием вытянул ноги.

Стежень вошел следом, но не сел, а заходил кругами, как зверь в клетке, пытаясь справиться с мыслями, составить более или менее связный рассказ.

Игоев некоторое время прищурясь глядел на него, потом буркнул:

– Сядь.

А сам подошел в бару, порылся, не нашел, что хотел, фыркнул, взял первую попавшуюся коньячную бутылку, плеснул в рюмки. Себе – чуть, Стежню – по края.

Звякнули хрусталем, выпили молча. Так же молча Кирилл завернул пробку.

– Теперь говори, – велел он.

Когда Стежень закончил невеселую историю, было уже за полночь.

– Да, – только и сказал Игоев. – Пошли-ка вниз.

В лаборатории Кирилл сразу направился к морозильнику:

– Здесь?

Глеб кивнул.

Его гость открыл камеру, вынул пакет и на глазах у потерявшего дар речи Глеба вытряхнул на кафедру останки монстра. Затем присел, побряхтывая, на корточки, взял разрубленную черную голову, повертел (потрясенный Стежень невольно подался назад, нащупывая лопатками дверь) и строго спросил:

– А девушка?

– Я ее не трогал, – быстро ответил Глеб, все еще готовый к худшему. – Она же мертвая...

Игоев проворчал что-то неодобрительное и принялся загружать куски монстра обратно в пакет. Видя, что с другом ничего дурного не происходит, Стежень сунулся помочь, но Кирилл довольно невежливо его отпихнул:

– Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку! Иди, прогрей движок у Димкиной «девятки», сейчас поедем.

Стежень не стал спрашивать куда...

«Девятка» резво катила по дороге. Свет фар летел впереди, скользя по гладкому (полгода как отремонтировали) покрытию. Встречных почти не было. Глеб расслабился.

– Кир, – проговорил он, – наше ли это дело? Давай лучше ментов вызовем, а?

Игоев молчал.

– Ее небось уже зверье объело... – проворчал Стежень.

Молчание. Очень красноречивое молчание.

Глеб понимал: уговаривать друга бессмысленно. Приняв решение, Игоев шел вперед, как атомный ледокол. Нет, как «морской охотник»...

Поворот. Стежень сбросил до сорока. «Девятка» все-таки, а не «лендровер». Даже не его «Нива». Глеб мог бы купить хоть самый навороченный джип, но зачем? О престиже он не заботился, а крутизна напоя затрудняет жизнь. М-да, «Нива»... Вон она, четырехколесная.

– Приехали, – сказал Глеб. – Возьми там, сзади, фонари.

Без фонарей можно было и обойтись: оба видели в темноте, как кошки. Но не мешают, тяжесть невелика.

Стежень запер машину, постоял, прислушиваясь и принюхиваясь. Главным образом пытался обнаружить присутствие черного. Вроде поблизости его нет. Перебравшись в тело Дмитрия, монстр перестал «гореть», только чуть-чуть «мерцал». Но Глеб не сомневался, что почувствует присутствие твари, если та подберется совсем близко.

Кирилл терпеливо ждал. Он понимал, что делает Стежень, хотя сам не обладал подобными качествами. Ему дано другое.

Не обнаружив ничего подозрительного, Глеб двинулся по тропе. Шел он бесшумно, поиндейски. Обувь у него была соответствующая, и навыки тоже. Нога обнаруживала сучок раньше, чем тот успевал хрустнуть. Но обутой в элегантные европейские туфли Игоев ступал немногим громче.

Минут через пятнадцать они были на месте.

На тропе ничего не изменилось. Ноги убитой женщины смутно белели в темноте.

Кирилл обогнал Стежня, пристроился к дереву, взялся половчее, крикнул... и тяжеленное корневище начало приподниматься.

– Ну ты здоров... – восхищенно произнес Стежень и тоже навалился сбоку, сдвигая корневище в сторону.

Вопреки ожиданиям Глеба, верхняя половина тела женщины не превратилась в кровавую лепешку. Земля под телом оказалась рыхлой, мягкой, и внешних повреждений практически не было, разве что несколько царапин да ссадина на голове. И... Так, перелом, похоже на перелом основания черепа, и что-то со вторым шейным позвонком... Что ж, этого вполне достаточно.

Стежень выключил фонарь. Игоев выпрямился.

– Где-то здесь еще один... – сказал он.

– Труп?

– Да. Но не человек, собака. Найди его, Глеб.

Стежень снова включил фонарь. Точно, собачий след. Через несколько минут друзья уже стояли у трупа овчарки. Шерсть пса пропиталась засохшей кровью, но ни Игоев, ни Стежень ни на минуту не усомнились в истинной причине смерти.

– Жаль... – проговорил Кирилл. – Его жизнь ушла.

– Что ты имеешь в виду? – насторожился Стежень.

Игоев промолчал, но Глеб и без того знал ответ.

– Это же абсурд! – воскликнул он. – Больше двенадцати часов прошло!

Стежень был способен сделать то, что показалось бы чудом девяноста девяти из ста произвольно выбранных людей. Но Глеб очень хорошо представлял, где проходит граница его возможностей. Он хорошо представлял, где вообще проходит *граница*!

– Кир, она умерла! – настойчиво произнес вице-директор «Практической народной медицины». – Она мертва, Кир!

Игоев молча похлопал друга по плечу, вернулся к вывороченной сосне, взял тело на руки и зашагал к машине. Старая трава хрустывала под подошвами. Чуток подморозило. Стежень последовал за другом, теряясь в догадках. Кирилл *никогда* не ошибался. Почти никогда...

На обратном пути Игоев сидел рядом с Глебом, поскольку на заднем сиденье лежал труп женщины.

Стежень ни о чем не спрашивал. Игоев первым нарушил молчание:

– Помнишь, Сермаль говорил? «Никто не умирает, пока душа не освободилась».

– Ты полагаешь, ее душа не освободилась?

– Да.

Глеб повернулся к другу.

– Смотри на дорогу, – мягко произнес Кирилл. – Пожалуйста.

– Я не умею делать зомби! – резко бросил Стежень.

– И слава Богу!

– И где же ее душа? – раздраженно спросил Глеб.

– У тебя в морозильнике.

Стежень, резко затормозив, бросил машину к обочине, включил свет в салоне.

– Объяснись! – потребовал он.

Игоев пожал плечами:

– Она или там, или у нашего друга Грошнего. Точнее, там же, где и душа Дмитрия. Лучше бы нам ехать, Глеб, поздно уже.

Стежень с силой потер виски.

– Я врач, Кирилл, – устало произнес он. – И я знаю, что такое некроз. Понимаешь?

Игоев не ответил. Опустил ветровое стекло, произнес добродушно:

– А холодно сегодня. Не скажешь, что середина сентября.

Стежень выругался и так резко взял с места, что их прижало к спинкам.

– Некроз! – прорычал он. – Перелом основания черепа!

– Ты уже сделал рентген?

– Я сам рентген! – рявкнул Стежень.

– Видишь, как удачно. – В голосе Кирилла не чувствовалось иронии. – Скажи мне, брат, я тебя когда-нибудь обманывал?

Стежень помотал головой.

– Я понимаю, куда ты клонишь, – сказал он. – Я понимаю: физическое тело – вещь подчиненная. Я могу вырастить новый зуб, могу срастить кость, даже позвоночник... но это дело небыстрое. И прокатывает только на живых, понимаешь? Я не Христос, чтобы оживлять мертвых!

– Я тоже, – спокойно отозвался Игоев. – Поэтому и говорю: девушка жива. Вернее, не умерла. Кстати, тебе никого не напоминает ее лицо?

– Нет! – отрезал Стежень. – Думаешь, я знаю всех туземцев на полсотни километров вокруг?

– Нет – и ладно, успокойся, – миролюбиво произнес Игоев. – И пожалуйста, смотри на дорогу – ночь все-таки...

Домой приехали около трех. Опустошили второй морозильник и кое-как затолкали в него тело. Стежень установил оптимальную температуру, рекомендованную заморскими коллегами. Минус четыре. Ох не зря он тогда ездил в Штаты... Лучше бы – зря!

Кирилл ушел наверх, а Глеб остался. Чтобы приготовить к работе соседствующую с лабораторией операционную. Это заняло почти час. Закончив, Стежень поднялся наверх и обнаружил друга на кухне.

– Готово, – сказал Глеб. – Можем начинать.

– Присядь, – отозвался Игоев. – Перекусим.

И наполнил свежесваренным чаем Глебову чашку.

– Я говорю, у меня все готово, можем начинать! – сердито проговорил Стежень.

– Что начинать?

– Оживление!

Игоев засмеялся. Он взял Стежня за руки – ладони Глеба утонули в Кирилловых ладонях.

– Нет, брат! Сейчас мы поужинаем, а потом ляжем спать. А завтра... будет завтра.

– Как скажешь, – согласился Стежень и ощутил, как зверски он устал. – Завтра так завтра. – Было четыре часа ночи. Или уже утра?

Глава четвертая

Утро приготовило Стежню неприятный сюрприз.

Разбудил его звонок в дверь.

Накинув халат, невыспавшийся, недовольный, Глеб спустился вниз, открыл... И с трудом подавил желание захлопнуть дверь и придвинуть к ней что-нибудь тяжелое.

На крыльце стоял поселковый милиционер Сидорыч. Но это – полбеда. Рядом с низкорослым кругленьким Сидорычем возвышались еще трое. В штатском, но с оч-чень типичными физиономиями.

Стежень вмиг осознал себя обладателем двух замороженных трупов. И если наличие одного из них вряд ли являлось нарушением с точки зрения Уголовного кодекса, то относительно второго сомнений быть не могло.

– Ты извини, Глеб Игоревич,– отводя взгляд, пробормотал участковый,– тут товарищи из города. Поступила информация, понимаешь...

Один из «товарищей» отодвинул мялящего Сидорыча и сунул под нос Стежню развернутое удостоверение.

– Оперуполномоченный Логунов! Вот ордер на обыск, прошу ознакомиться! – И не дожидаясь реакции хозяина: – Гражданин Стежень, посторонитесь!

Глеб посторонился. Он мог бы уложить на землю и решительного оперуполномоченного, и его соратников... Но что дальше?

– Приступайте,– скомандовал Логунов, и его напарники принялись за дело.

Сам капитан тем временем обозревал стену в прихожей. На стене рядком, в рамках, висели многочисленные дипломы, благодарности и прочие регалии. Висели не для того, чтобы потешить тщеславие хозяина, а исключительно для первичной обработки клиентов.

– Подвал в доме есть? – спросил Логунов.

Глеб кивнул.

– Где вход?

– Под лестницей.

Стежень тянул время. Под лестницей был вход в хозяйственные помещения. Еще один вел в гараж. Дверь же в лабораторию и операционную располагалась у Глеба за спиной.

Компаньоны оперуполномоченного обследовали гостиную, кухню, ванную. На мелочи не разменивались – в ящики стола не заглядывали и книги не перетряхивали. Это-то Глебу и не нравилось.

– Что здесь? – Логунов распахнул ту самую дверь и увидел уходящую вниз лесенку.

– Лаборатория,– сухо ответил Стежень. – Если желаете осмотреть – поосторожней. Там есть токсичные вещества.

Глеб надеялся, что его голос звучит достаточно спокойно. Впрочем, некоторое волнение допустимо. Не каждый же день его утро начинается с обыска. Хотя и так сразу в лабораторию им не попасть. Двери и замок – очень качественные. Сейфового типа. Не то что пинком – ломом не вскрыешь. Но опять-таки тот же вопрос: что дальше?

Ступени винтовой лестницы, ведущей на второй этаж, жалобно заскрипели. Незванные гости тут же сделали стойку.

– Кто наверху? – спросил Логунов.

Стежень промолчал.

Взглядам присутствующих сначала открылись мускулистые ноги в домашних тапочках минимум сорок пятого размера, затем синие атласные семейные трусы с фирменной лейблой, следом – мощный, подернутый жирком торс, широкие покатые плечи и, наконец, властное лицо, обрамленное пшеничного цвета бородой.

В гробовом молчании Игоев спустился с лестницы, оглядел каждого из присутствующих, изрек: «Хм-м...», остановил взгляд на облаченном в форму участковом и сказал строго:

– Докладывай.

Сидорыч смущенно откашлялся... Но тут ему на помощь пришел Логунов:

– Гражданин...

Игоев повернул голову, поглядел сверху вниз... Одетому в смокинг нетрудно сохранять достоинство. Но Игоев даже в трусах излучал такую ауру власти, что привычные слова завяли у оперуполномоченного во рту.

– Документы! – строго произнес голый великан.

Служебное удостоверение выпускать из рук не полагается, но тогда Логунову пришлось бы держать его над головой.

Игоев внимательно изучил удостоверение, кивнул, затем прочитал ордер.

– Петренко? Хм... Что-то не помню такого. Не питерский?

– Наш, районный, – услужливо сообщил Сидорыч.

– А ты, капитан, какого хрена сюда приехал? – И не дожидаясь ответа: – Ну-ка, отойдем...

– Так, – произнес Игоев веско. – Значит, обыск... Значит, без понятых обыск... Ясно...

И много дали?

Физиономия оперуполномоченного выразила крайнее возмущение.

– Не нашли понятых, – сердито сказал он. – И некогда. В том случае, если возможно предположить...

Голый великан отечески похлопал Логунова по плечу:

– Ладно, ладно, не обижайся, вижу, что не брал. Начальником у тебя кто, Ситин?

Логунов кивнул. Осведомленность вполне укладывалась в сановный имидж собеседника.

– Ах, засранец! – без особого, впрочем, осуждения произнес великан. – Копать под меня вздумал...

Оперуполномоченный глядел снизу вверх на Игоева, изо всех сил пытаясь определить его профессиональную принадлежность. Вроде бы видел по телевизору...

– У меня приказ, – с сознанием собственной правоты возразил капитан.

– Приказ? – Собеседник хохотнул. – Это Ситина твоего, что ли? Да я перну – с него погоны сдует. Приказ, бля!.. Ну-ка, давай, капитан, по порядку!

Нет, Анатолия Витальевича Логунова тоже не пальцем делали. И опыт кой-какой психологический имелся. Хуже нет, когда между политическими жерновами угодишь. По нынешним временам даже муки от тебя не останутся...

И капитан решил пожертвовать профессиональными секретами. Да, полковник Ситин позвонил ему ночью и приказал, взяв двоих ребят и подготовленные бумаги, ехать в район и произвести расследование. Поскольку у одного очень влиятельного человека пропала жена. Ушла гулять с собакой и не вернулась.

Командировке Логунов не особо удивился. Поскольку влиятельного человека знал. И знал, что с Ситиным тот в приятелях. Но на виллу к богатею не поехал. Не любил Логунов новорусов. Глянешь – и сразу вспоминаешь смешные цифры собственного оклада жалованья. А поехал Логунов в ближайший поселок, к участковому. Уж тот наверняка знает свой криминальный контингент.

Контингент у участкового оказался точно сплошь криминальный. Но надо ж такому случиться, что через десять минут после приезда городских Сидорычу позвонил сосед Стежня. Позвонил насчет завтрашней рыбалки, но заодно поведал: у Игоревича гости. Причем один буквально только что привез бабу, такую пьяную, что на руках несли.

Случай действительно из ряда вон. Явление для Глеба Игоревича редчайшее. Но в глазах соседа – не только не достойное осуждения, а совсем наоборот. Сразу видно, нормальный мужик, свойский...

И дернул же черт участкового за язык! Взял и рассказал байку городским. Думал, посмеются вместе. Но Логунову, блин, не до смеха. Схватился сразу шмон устроить. Тут Сидорыч опомнился и объяснил культурно: Стежень – не Ванька Фарт. К нему вот так запросто не вломишься. Выкинет и по ушам надает. А он, Сидорыч, Стежня поддержит, поскольку – прав законно.

Выматерился оперуполномоченный, а делать нечего. Позвонил начальнику, доложил обстановку и получил команду – ждать. По собственному почину велел одному из своих осуществлять наружное наблюдение. Результатов наблюдение не дало. Если не считать результатом то, что сотрудник замерз как собака.

В шесть тридцать курьер привез ордер на обыск (муженек пропавшей и впрямь оказался влиятельным), а в шесть тридцать пять Логунов с бригадой прибыли сюда, искать тело.

– Так, – произнес великан. – Решили меня поймать! – нахмурил брови. – Суки! – и тоном пониже: – К тебе, капитан, не относится. Но тело больше не ищи. Спит «тело». Покувыркалось, понимаешь, немного и спит. Вникаешь, оперуполномоченный?

Логунов вникал. И даже исполнился сочувствием с долей злорадства. Вот, значит, такой *влиятельный* человек, а жену наяривает этот мамонт.

– Аморалка? – спросил с пониманием.

– Какая, в жопу, теперь аморалка? – удивился голый великан. – Ты что, служивый! Вот этого, Вольфыча, в шесть-девятке публично голубизна пидерасит, а он чуть не из койки интервью дает. Нет, капитан, это *мне* пакость. Если до жены дойдет... – Собеседник Логунова вздохнул. – Ну и ей (жест в сторону потолка) ничего хорошего. Пойдем-ка...

Сотрудники Логунова с обыском пока решили завязать. Разглядывали «доску почета» в прихожей, слушали бубнеж Сидорыча о том, какой Стежень выдающийся человек и доктор. Сам хозяин безмятежно чистил зубы в ванной. Но дверь оставил приоткрытой. Пусть видят господа милиционеры – ему скрывать нечего.

Игоев подтянул трусы, выглянул задумчиво в окно, потом повернулся к Сидорычу.

– Значит, сосед меня с женщиной видел?.. – спросил полуутвердительно.

– Ну-у...

– Сосед как, закладывает?

Участковый мгновенно уловил намек:

– Закладывает, ясное дело.

– И ясное дело, никаких показаний не подписывал?

– Не подписывал. И не подпишет, точно!

– Угу. Ну добро. Доктор, что у нас на утро?

Стежень прополоскал рот, сплюнул:

– Грязь.

– Так. Капитан, я склонен думать, что жена вашего, хм, потерпевшего вернется домой без помощи милиции. Поскольку взрослая женщина, а женщины, хм, склонны... Ладно, не о том речь. Найдется, думаю, денька через три. Ну уж если не вернется, тогда – по закону. А Ситину доложите, что сочтете нужным. Но, прошу, без имен. Вы меня знаете, мне болтовня ни к чему, – и одарил оперуполномоченного значительным взглядом. – Если что – твердо рассчитывайте на мою поддержку. Вопросы есть?

– Нет! – четко ответил Логунов. – Разрешите идти?

Игоев кивнул.

Уже по дороге в город один из сотрудников спросил Логунова:

– Слышь, Толька, а что это за барон в трусах?

– Хер знает, – ответил Логунов. – Шишка. Я его по телеку видел.

– Надо было ксиву спросить... – отметил сотрудник.

– Вот и спросил бы! – рассердился Логунов.– Он бы тебе депутатскую манду сунул, а потом начальству позвонил и потребовал, чтоб тебя раком поставили за неуважение к народным избранникам. Помнишь, как Славку за Гугина дрючили?

Сотрудник помнил, и тему сочли закрытой.

Но для Стежня и «барона» все еще только начиналось...

– Ты умница, Кирилл! – растроганно признал Стежень.– Так сыграл!

– Скорее, просчитал.– Игоев тоже был доволен.– Вижу, человек исполнительный, честный, осторожный в меру – нахрапом не полез, ордера дождался. К мужу тоже не поперся среди ночи. Значит, субординацию понимает. Остальное – дело техники. Как Сермаль учил? Покажи человеку то, что он хочет видеть, и тому не захочется перепроверять информацию. Это как раз пустяки.

– А что не пустяки?

– Та, за кем он явился. У нас с тобой три дня.

– Понял. С чего начнем?

– С Дмитрия.

Вновь запел входной звонок. Стежень дернулся было к дверям – и остановился:

– Черт!

– Спокойней, Глеб,– остерег Игоев.– Форму теряешь...

– Глеб Игоревич! – донесся снаружи дребезжащий женский голосок.– Я вам тут молочка, сметанки кладу. Уж не забудьте, Бога ради, завтра пустое оставить!

– Не забуду, Аглая Никоновна! – крикнул Стежень.– Соседка,– пояснил он.– Коров держит. А я за хлопотами нашими забыл посуду выставить.

– Молоко – это хорошо,– одобрил Игоев.– Пойдем, что ли, водичкой из твоего колодца умоемся...

Морри, зарывшись в прелую листву, прижимался к земле и безуспешно пытался проникнуть в древесные корни и подпитаться от матери-земли. Половиной себя он понимал, что это невозможно, но вторая половина жаждала, и Морри ничего не мог поделать – только с болезненной остротой чувствовать свою уязвимость. То же, вероятно, ощущает краб, только что выползший из старого панцыря. Но краб просто боится, а Морри обладал разумом, способным осмыслить и многократно умножить страх. И еще понять: придется возвращаться и забирать накопленное за много веков и похищенное ничтожным человеческим существом.

При этой мысли воспоминание об испытанной боли вернулось, Морри содрогнулся, так что даже алчущая его половина на мгновение забыла о вечном голоде, исполнилась страха и обособилась настолько, что Морри-разум вспомнил одно из своих имен. Бурый. Хотя вряд ли это было имя. Его имя...

– Ах-хар-рашо! – выдохнул Кирилл, растираясь широким пестрым полотенцем.– Из земли водичка – не из водопровода. Выйду на покой, перееду, Глебка, к тебе. Молочко, колодец...

– ...покойнички! – ехидно подхватил Стежень.

– Не бойсь! – Игоев сочно хлопнул друга по мокрой спине.– Разберемся! – и ехидно: – Мастерство требует упражнения, а у тебя, брат мастер, уже уши мхом заросли.

– Как же! – отозвался Стежень. Он вытираться не стал, вертелся по траве, рассыпал во все стороны серии легких стремительных ударов и поэтому речь его дробилась на слоги: – Как... же... чья... бы... ко... ро... ва... мы... ча... ла!

Глеб крутнул сальто назад, поскользнулся, приземляясь, на мокрой траве, но грамотно упал на колено. Нога его описала длинную низкую дугу, сметая с ног воображаемого противника. Кувырок – Стежень встал на руки и сказал перевернутому вверх ногами Кириллу:

– Разжирел ты, Кир, стыдно глядеть!

– Это у меня природное, – солидно возразил Игоев, похлопав себя по животу. – Три раза в неделю в теннис играю.

– Тебе молотом махать надо, а не ракеткой! – Стежень гибко перевернулся, встал на ноги. – Теннис!

Игоев застегнул рубаху, пригладил мокрые волосы. Утро было холодным, но после колодезной воды осенний ветерок только увеличивал удовольствие.

– Кормить меня будешь? – осведомился Кирилл. – Или на диету посадишь?

– Сядешь, – ухмыльнулся Стежень. – Если повезет, на диету, если не повезет...

– Оптимист! – изрек Игоев. – Пойду пошарю у тебя в холодильнике. Может, удастся что-нибудь сварганить.

– Нет уж! – возразил Стежень. – Я сам. Знаю вас, городских. Только продукты испортишь!

Глава пятая

Два всадника гуськом ехали по лесной тропе. Ехали, то и дело нагибаясь, чтобы не задеть головами обвисшие еловые ветки. Мохнатые, с широкими крупами и большими головами лошадки бежали вялой рысью и, кабы не понукания всадников, давно перешли бы на шаг.

На обоих – панцыри поверх грубых рубах, шелома сняты с голов и приторочены к седлам. Налучи да колчаны – из хорошей кожи, ножны широких мечей обложены хоть и потертым, но бархатом. Слишком хороши для «лесных озорников». Но рожи у обоих таковы, что сразу ясно: подвернись случай ободрать кого – обдерут. Да и душу еще отымут, чтоб не болтал.

Тропа вывела на запущенную вырубку с покосившейся избенкой посередине. Всадники спешили, бросили поводья наземь и не без опаски приблизились к избушке. Со стороны могло показаться – недоброе замышляют. Однако на сей раз было не так. Воев⁴ мучил страх.

Тот, что порешительней, первым ступил на вросшее в землю крыльцо, несильно стукнул кулаком в черные дверные доски.

Из избенки – ни звука.

Решительный плюнул через плечо, соединил пальцы оберегом и толкнул дверь. Та, заскрипев, поворотилась на единственной петле, открывая темное нутро избы.

– Колдун, а колдун... – робко позвал воин, не решаясь войти.

– Чего надо?

Первый так и подпрыгнул на месте, второй дернулся, по привычке ухватился за меч...

Колдун, набычась, стоял позади, в пяти шагах. Как из-под земли выскочил...

– Ну? – проворчал он, хмуро глядя на воев из-под спутанного чуба.

Был ведьмак не оружен, один только короткий засапожник⁵ с темляком из желтой кожи.

– Такое дело, слышь... – пробормотал первый. – Новый этот, у нас, слышь, урод-то...

Он заметно трусил и старательно глядел в сторону, чтобы случаем не глянуть в пронзительные, в красных прожилках очи колдуна.

– Слышь, пособи, а?

– Быть не может! – Речь ведьмака как бы накрыла бормотание дружинника.

Но тот лишь виновато развел руками.

Колдун ощерился. Во рту его недоставало передних зубов, но говорил он ясно, без шепелявости:

– Значит, трогал кто. Так?

– Косаня, дурень пустоголовый, рукой се пособил... – глядя в траву, промямлил воин. – Ругай сказал: помоги. Заплатим, слышь, по чести...

– Втрое против прежнего! – отрезал колдун. – И разом!

– Это отчего ж втрое? – возмутился второй, длинноусый и длинноносый, с варяжской рожей и яминой старого шрама под глазом.

Сказал и, забывшись, глянул на того, кому говорил, хотя помнил, еще дед учил: не гляди ведьмаку в очи!

Глянул и осекся. И сник под нехорошей усмешкой колдуна.

– А оттого ж! – тешась его страхом, отвечал ведьмак. – Чаю, вскорости наедет из Нова Града княжича убиенного отец да и наденет на кол старшего вашего. За кровь свою... – потянул с умыслом и завершил: – Зряшно пролитую.

Оба дружинника еще более смутились.

– Откель знаешь? – спросил первый. Спросил, не чая ответа, а чтоб страх придавить.

⁴ Вой – воин.

⁵ Засапожник – нож, вложенный в голенище сапога.

– Знаю.– И, смягчившись, объяснил: – Второе беру, чтоб старшой ваш вдругорядь сам руки дурные обрубал. Уразумели?

– Да ясно уж,– буркнул воин.

– Ну коли ясно, так ступайте.

Уже взявши повод, длинноусый опять не утерпел гордость поправить:

– Колдун, а что ж ты хоромы свои не поправишь? – мотнул головой на избушку.– Аль мужеской силы нет?

Колдун даже вроде не осерчал, а задумался, склонил большую голову на плечо, покаябал в бороде и вдруг сказал неожиданно весело:

– Вот ты и поправишь!

– Я? – изумился длинноусый.

– Ты, ты! Топором махать мастак, верно? Вот и скажи старшому: как луна убывать начнет, пущай отпустит тебя ко мне. На седмицу. Управишься за седмицу-то?

– Не с руки мне! – зло отрезал длинноусый.

– Не с руки, говоришь? – Темное лицо колдуна опять стало недобрым; забрал в кулак бороду, пожевал и спросил: – Седни по вечераи куда идешь?

– Дело мое! – буркнул воин и полез в седло.

– Не ходи,– ласковым голосом посоветовал колдун.– Не ходи. Почто бабу дразнить...

– Не уразумел... – растерявшись, проговорил длинноусый.

– А ты подумай.

Длинноусый подумал... и лицо его стало еще более растерянным и вдобавок красным, как рачий вареный панцырь.

– Вот так-то,– еще ласковей произнес ведьмак.– Что, управишься за седмицу?

– Управлюсь,– буркнул воин.– Быстрее сделаю. А ты чародейство свое оставь... – В голосе проскользнули просительные нотки.

– Да уж не тревожься,– успокоил ведьмак. И тут же добавил строже: – До времени!

Дружинник поспешно поворотил лошадку, и оба посланца тут же скрылись за деревьями.

Колдун хмыкнул и пошел в избу.

* * *

– Тут главное – настроиться правильно,– говорил Глеб.– А я настроился правильно. Так что учую, наверняка учую, это точно...

«Стоп, Стежень! – остановил он себя.– Мандраж пошел. Тормози!»

Глеб внимательно глянул на свое отражение в зеркальце.

Вид вполне респектабельный. Царапины за ночь затянулись, борода расчесана, стрижка модельная недельной давности. Приятное решительное лицо. Вызывающее доверие.

– Учую,– повторил он, убедился, что равновесие вернулось, и только тогда спросил: – А дальше – что?

– Дальше? – Игоев откинулся назад, максимально отодвинув сиденье. Его «тойота» попросторней Димкиных «Жигулей». Но «тойота», так же, как и известная всему району Стежнева «Нива», которую они пригнали два часа назад, остались в гараже.– Дальше поглядим.

Осеннее солнышко согревало щеку, и Кирилл с удовольствием впитывал последнее тепло. Ох, чует сердце, на юга ему этой осенью не выбраться...

Стежень скосил взгляд на брошенную сзади сумку. Там лежал дедов топор. Последняя надежда...

– Если все будет путем,– проговорил он,– вечером займемся женщиной. Так?

– Боишься, Глебушка? – участливо спросил Игоев.

– Боюсь,– согласился Стежень.– А ты – нет?

Кирилл фыркнул:

– Ты, брат, найди, а я уж разберусь. Меня он не схарчит – заговоренный!

И рассмеялся.

Стежень вздохнул.

– Все мы заговоренные, – проворчал он. – Агентство как? Процветает?

– Моими молитвами. С позапрошлого заказа подвал в доме напротив откупил, бассейн сделали. Девочки счастливы.

– Как девочки?

– Хорошеют. Тебе приветы. Еще музыкант наш звонил. Из Алабамы. Тоже привет.

– Угу. – Стежень вздохнул. – Девочки, бассейн, Алабама... И никаких чудовищ. Сказка!

Какие еще новости?

– Разные. Коллега твой на днях заходил, – Игоев подмигнул. – Отдавался.

– Какой еще коллега? – насторожился Стежень.

– Костолом. Стужин. Помнишь, я зимой у тебя справлялся?

– Да ты у меня постоянно справляешься. Так, знакомое местечко! – Стежень съехал с дороги и заглушил двигатель. – Все, господин начальник. Дальше – пешочком...

– Черт... – пробормотал Стежень. – Кирилл, стой!

Игоев застыл на полушаге.

– Где? – спросил шепотом. – Видишь?

– Кривая сосна, справа метров пятнадцать, в кроне...

Игоев прикрылся ладонью от пробившегося солнечного луча, сказал:

– Вижу.

И спокойно зашагал по обобранному черничнику прямо к сосне.

Стежень выматерился, рванулся следом...

И тут Кирилл гаркнул во всю мочь:

– Дмитра!!!

«А-а-а...» – эхом плеснулось наверху. Неподалеку затарахтела сорока...

...Укрывавшееся в ветвях существо, кошкой сиганув с шестиметровой высоты, мягко упало на упругий слой хвои, завибрировало телом, как тронутая пружина.

Кирилл, не замедлившись, широким шагом двигался прямо на монстра.

Стежень бежал к ним, вроде кричал... Сердце колотилось в бешеном темпе, а ноги, казалось, еле двигаются..

Существо (монстр? Дмитрий?), лицо – к земле, мелко дрожащее... И вдруг распрямилось – красные горящие глаза, рука-коса, со знакомым свистом секущая воздух...

Стежень замахнулся топором, но метнуть не рискнул. Тварь и Кирилл оказались на одной линии.

Игоев, даже не пытаясь уклониться, шагнул вперед, обхватил существо ручищами, прижал к себе...

Глеб так и застыл с поднятым топором...

Монстр тоже застыл, потом неуловимо быстрым движением высвободился, мелькнул тенью между стволами и пропал.

Когда Стежень подбежал к другу, Кирилл стоял, растерянно глядя на свои руки.

Глеб ухватил его за плечо, тряхнул. Игоев обернулся.

– Убежал... – проговорил он обескураженно. Стежень развернул его к себе, заглянул в лицо, впился взглядом, потом расфокусировал зрение, чтобы заглянуть глубже...

– Ты что это? – недовольно спросил Игоев.

– Цел! – с облегчением выговорил Стежень. – Цел, слава тебе Господи! Цел, черт тебя дери, дурак!

– Сам дурак... – проворчал Кирилл. – Сказано же: оберег на мне Сермалев. Ни в воде, ни на земле, ни ниже земли никакая тварь... – строгим голосом: – Батьке не веришь?

Стежень смутился.

– Это ладно, – с печалью в голосе произнес Кирилл. – А вот не удержал – плохо! – покачал лвиной головой. – Очень плохо, брат...

– Его удержишь! – Глеб потер висок, на котором еще вчера красовался синяк. – У него скорость – на порядок выше. Не понимаю, как его тогда достал...

– А я вот догадываюсь, – проговорил Игоев. Но дальше разъяснять не пожелал. – Возвращаемся, – решил он. – В город поедem. Ко мне. Хватит нам скоморошничать...

– Лепота, – прижмурившись, изрек Кирилл. – Птички поют, травка зеленая...

– Эйр-кондишн... – насмешливо продолжил Стежень.

Игоев слегка обиделся.

– Хорошо тебе в лесу, – проворчал он. – А нам в городе каково? Иди-ка ты в баньку! Тренажерами полязгай, попарься. Грязный как чушка, мне за тебя перед девочками стыдно! Иди, иди! – и вытолкал Глеба из холла, где действительно пели птички и росла натуральная травка. Такой вот необычный дизайн.

– Будь как дома, – объявил Кирилл, когда они миновали зеркальную дверь релакс-комплекса. – Железки – направо, простыни и прочее – в стенке, квас – в холодильнике, венички – сам увидишь. Могу Людочку прислать – спинку попарить. Не откажется, думаю, по старой дружбе.

– Пошел ты... – беззлобно ругнулся Стежень.

Крохотный романчик, иссякший еще два года назад, служил Игоеву устойчивым предметом для шуток.

– Хозяин – барин. Ладно, отдыхай, а я пойду делом займусь, попрошу девочек пошарить в нетях, поискать информацию по нашему страхолюду.

– За этим и приехали? – догадался Стежень.

– Отчасти, – уклончиво ответил Игоев. – Всё. Расслабляйся – часа три у тебя есть.

Кирилл появился, как и обещал, через три часа, когда Глеб, приятно расслабленный и приятно пахнущий, попивал красный травяной чаек.

Выключив телевизор, Игоев уселся напротив, налил себе из глиняного расписного чайника, отпил, с удовольствием обозрел Стежня, выдержал паузу...

– Радуйся, Глебушка! – пробасил. – Классифицировали нашего красавца.

– Приятно слышать, – отозвался Стежень не без иронического подтекста.

Игоев еще отхлебнул чайку, отломил печеньице, легонько прихлопнул ладонью по столу:

– Обработано около ста пятидесяти источников, описан демонологами сорока шести культур; сходимость – сорок четыре процента, так что умерь свой скепсис! У французов аж три сравнительные работы по африканскому, гаитянскому и – пляши, брат! – кельтскому материалу. Подробнейший анализ чикагского парасиха по очень похожим тварям на индейском материале. Жаль, нет времени китайцев и прочих азиатов потрясти. У них наверняка тоже не без уroda...

– Давай резюме, – перебил Стежень.

– Сейчас, Глебушка, сейчас... – Кирилл глотнул чайку, усмехнулся, видя нетерпение друга. – Резюме, значит? Крайне опасная тварь!

– А то я сам не знаю! – буркнул Стежень.

– Начнем с происхождения, – продолжал Игоев. – Основа – астральный дух, бес по-нашему. Дух-моноэмоционал, как выразился наш чикагский приятель. Это одна половинка мерзавца. А вторая половинка – вполне разумная сущность, бывший хомо сапиенс, если можно

отнести к этому виду подвизающихся в черной магии и прочем говне. Образуется этакая тварь следующим образом: колдун вызывает строго определенного беса и посредством также строго определенной процедуры, по счастью, до конца чикагскому парапсиху неизвестной, не то непременно опробовал бы, включает беса в собственное сознание. Иначе – в себя. Бес охотно включается, поскольку – хищник, или, выражаясь умным языком, изолированный астрал поглощающего типа, а посему всегда готов сожрать, что удастся. А вот дальше начинается самое интересное. В процессе этого первого «поедания», если колдун окажется достаточно крепок, то полностью сожрать себя не даст и образует с бесом своеобразный омерзительный союз. Причем – на нескольких уровнях, в том числе и на физическом. То есть человеческое тело колдуна преобразуется в то, что лежит у тебя в морозильнике. Трансформированная диада, то бишь двойное существо, приобретает букет сверхкачеств. Кое с какими ты уже имел возможность познакомиться, но, уверяю, еще не с самыми худшими.

– Например?

– Например, образовывать самостоятельный эгрегор из жизней жертв, поглощенных или частично поглощенных.

– Частично – это как?

– А так, что человек вроде бы остается самим собой, но фактически – просто приставка к монстру. Описан сюжет, когда такая тварь овладела целым островным государством и была прижучена совместными усилиями специально собравшихся шаманов, числом более двухсот.

– Хрен редьки не слаще!

– В данном случае – слаще. Если сказочка не врет, планы у беса были самые наполеоновские, а шаманы, сделав дело, как водится, разругались и разъехались по домам.

– Прекрасно, – сказал Стежень. – Пошлем за шаманами?

Игоев реплику проигнорировал, продолжил:

– Итак, мы имеем дело со сверхбыстрой, сверхчувствительной тварью, наделенной эмпатическими, а возможно, и телепатическими органами, саморегенерирующей, вдобавок способной к межмолекулярному проникновению, хотя механизм последнего я представить не могу. Любимое ее развлечение – высосать жизнь из бедного человечка. Это, кстати, и единственное объединяющее начало для беса и бывшего колдуна. Склонен думать, передается не только энергия, но и кое-какая информация. Например, по вождению автомобиля. Склонен думать, те, кого монстр пожрал сравнительно недавно, еще могут вернуться в свои тела. Ежели тела в порядке и ниточка не оборвана. А в нашем случае – я имею в виду твою замороженную квартирантку – ниточка не оборвана.

– Уверен? Я ничего не заметил, – сказал Стежень.

– Ты по-другому смотришь, – возразил Игоев. – Но сейчас нас интересует не это, а то, как прищемить вампиру хоботок.

– И как?

– Разные есть техники. Например, североамериканские шаманы поступают следующим образом: выбирают жертву и предлагают чудищу откусать. Тот, естественно, отказаться не может и приступает к трапезе. А поскольку в этом процессе полностью распоряжается наш бесмоноэмоционал, которому все пофиг, кроме собственного энергетического желудка, то тварь кушает, невзирая на возможные неприятности. И у шамана появляется возможность прикончить чудище особо подготовленным оружием. С наговором или, как выражается наш чикагский коллега, с предварительно наложенной биоэнергетической характеристикой.

– Именно так я его и прикончил! – заявил Стежень.

– Так, да не так, – усмехнулся Кирилл. – Как утверждает источник, то бишь шаман, грузивший нашего чикагского визави, уничтожить тварь можно лишь тогда, когда она полностью сосредоточена на жертве. Если же монстр от еды оторвался – шаман живет немногим дольше

приманки. Аналогичный результат, если охотник сплеховал и не смог существенно расчленил монстра с первого удара. Ты его существенно расчленил?

– Ты видел. Правда, не с первого удара.

– Вот-вот. Насколько я понял, тварь не только оторвалась от еды, но и вступила с тобой в поединок. Если верить источнику, который, впрочем, сам практического опыта не имел, а руководствовался переданным по наследству, господин Глеб Стежень должен был стать не победителем, а десертом.

– Однако я его сделал! – напомнил Стежень.

– Терпение, мой друг! – Игоев поднял палец. – Очень может быть, исконно русские чудовища отличаются от заморских. Кстати, северный источник предлагает несколько другой метод отправки беса домой в преисподнюю. Жертве предоставляется не пассивная, а активная роль. Ребята тогда были здоровые и переполовинить могли без проблем хоть сосновое бревно. Поэтому добровольцу-смертнику вручался меч или топор, тоже заговоренный, но, так сказать, неизолированный, – и герой производил «существенное расчленение». При непосредственном контакте часть твари как бы «перетекала» в человека, но ей требовалось время на восстановление сил или образование нового симбиота. Но если жертву-героя вовремя приканчивал его спутник, бесу ничего не оставалось, как убраться из нашего грешного мира. Но... – Игоев сделал драматическую паузу. – Он может «сидеть» в останках старого тела сколь угодно долго, и если некто живой вступит с порубленной тушкой в физический контакт, то немедленно становится доступен астральному хищнику. А тот своего не упустит и вмиг переберется в новый «домик», который сразу принимается перестраивать по старому образцу. Сам процесс перестройки растягивался от половины до полного лунного месяца. Но крутизна твари вырастала значительно быстрее. Кстати, об останках сказано, что простое нахождение рядом с ними может привести к болезни и даже смерти.

– Еще бы! – заметил Стежень. – Фонит, как ядерная боеголовка. И на конгломерат биополя действует, как самум на вишневый сад.

– Образно говоришь, – похвалил Кирилл. – Но я, с твоего позволения, продолжу. Насколько я могу обобщить, поглощенный бесом человеческий астрал, даже не астрал, а жизненная энергия нескольких тонких тел, некоторое время находится в распоряжении монстра. Как запас пищи. Но в случае «смены» тела бес и его псевдочеловеческая половина-колдун действуют как бы порознь. Поэтому, если прежний хозяин тела достаточно могуч и его личная сила сопоставима с силой колдуна-симбиота, новичок может попробовать выпереть из диады предшественника и самому занять почетное место. Бес в этом случае держится в стороне, как волчица во время драки самцов. И отдается победителю. А вот если захваченный намерен изгнать и самого беса... Тогда герой должен быть еще и святым. Бес – он и есть бес. Искушение, сам понимаешь, преизрядное. Но это, друг мой, уже не источники, а мои собственные мысли.

– Значит, у нас есть еще дней десять-двенадцать, чтобы успеть вытащить Дмитрия? – Практичный Стежень тут же выудил из лекции Игоева самое конкретное.

– Увы! – развел руками Кирилл. – Если частица монстра внутри тела жертвы, трансформация происходит значительно быстрее.

– Вот блядь!

– Но пара суток у нас есть, – заметил Игоев. – Попробуем успеть.

Особой уверенности в его голосе не чувствовалось. Вероятность того, что тварь сама заявится к ним на разборку, казалась Кириллу незначительной.

Стежень на минуту задумался, потом произнес, медленно, взвешивая каждое слово:

– А что будет, если кто-то другой попробует на вкус останки?

– Я думал об этом, – одобрительно отозвался Кирилл. – Если попробую я – ничего. Но если кто-то другой, – возможно, монстр получит возможность переместиться в другого носителя. Если пожелает...

В словах Игоева чувствовался некий намек. Впрочем, не некий, а совершенно определенный.

– Я уже пробовал, – буркнул Стежень. – Правда, совсем чуть-чуть.

– Ты не говорил.

– Неужели ты думаешь, я дал бы эту дрянь Димке, не испытав на своей шкуре?

Игоев кивнул, будто одобряя, но слова его никакого одобрения не несли.

– Скверно, – отметил он. – Значит, придется искать третьего.

Стежень покачал головой:

– Думаю, я смог бы. Главное – правильно настроиться. Но... мне как-то страшно.

– Неудивительно.

– Не только за себя. Понимаешь, если монстр завладеет и мной, справиться с ним будет еще труднее. А я... Я не святой, Кирилл!

– Не гони коней, Глеб! Контакт – крайний случай. Мы наверняка не учли всего. Да я сам проглядел лишь выжимки.

– Кир, – сказал Стежень. – Мне нужны материалы. Все.

– Получишь. Пока только английские, остальные надо перевести, но это быстро. Раскидаем е-мейлом кусками по бюро, часа за три сделают, а мои девочки обработают и переправят нам.

– Нам?

– Неужели ты думаешь, я оставлю тебя одного? – удивился Игоев. – Конечно, мы поедем вместе. Кстати, час назад звонила Алена...

– Чуть! – Глеб засмеялся. – Я ее уже год не слышал.

– Я чуть меньше. Но взял на себя смелость пригласить ее. От твоего имени.

– Это не игрушки, Кир! – нахмурился Стежень.

– А Алена – не девочка. Не стоит ее недооценивать, дружище.

– Ну добро, – не стал спорить Глеб. – Три Сермалевых ученика – это сила. Может...

– Нет, – отрезал Игоев, с ходу уловив мысль друга. – Алена позвонила сама и сама предложила помочь. А остальные – нет.

– Ты прав, – согласился Стежень. – Я ведь даже не знаю, кого где искать...

– Я знаю, – сказал Игоев. – Но не буду. Какие еще пожелания?

– Я хотел бы сменить рубашку! – ухмыльнулся Глеб.

Кирилл рассмеялся.

– Мы помним твои привычки, – проговорил он. – Твоя одежда выстирана и выглажена. Пообедаем, если ты не против, у тебя. Не стоит надолго оставлять твой дом без присмотра.

– Согласен. Когда придет Лена?

– Думаю, она уже здесь. Я просил подождать нас в холле.

Глава шестая

Глеб Стежень

Птички чирикали как заведенные. Могу представить, как тащится от этой «природы» городской пыльный народ. Но меня лично эта сусальная полянка раздражает.

Пахнет неправильно. Только Киру не скажу. Из принципа. А клиентам его без разницы. Для них запах – это одеколон за восемьдесят баксов.

Но есть здесь вещи, которые меня восхищают. Например, отсутствие решеток на окнах. Ни хрена не боится Кир! Хотя, кто знает, может, у него вместо стекол какой-нибудь пуленепробиваемый супертриплекс?

Мысли, однако! Это на фоне грядущих боев с нечистью. От баньки, должно быть. Разморило.

Спустились по шикарной лестнице в шикарный холл. А, вот и Ленка! Прическа, костюмчик строгий, но с французским подтекстом. Косметика на личике – в самый раз, фигурка точеная. Не скажешь, что за тридцать женщине. Сколько я ее не видел? Года полтора точно. Но кое для кого, похоже, время течет назад.

– Ленка, – говорю, – ты чем дальше, тем аппетитнее!

Улыбнулась, закинула руки мне на плечи, подставила губки... Какова?

Сермаль ее совсем замухрышкой взял. Не Золушкой даже – мышкой из Золушкиной упряжки. Тихим стеснительным мышонком. Вот так, братие. Если кто не понял, кто таков Сермаль, гляньте на это светское чудо с влажными пурпурными губками.

– Аленка, – говорит Кир (он всегда ее Аленкой зовет), – ты сегодня свободна?

– Для тебя я всегда свободна!

Кокетка. Зуб даю, никогда она с нашим могучим Киrom постельку не делила. А играет...

– Далеко поедет, – предупреждает Кир.

– В Австралию?

– Нет, в пампасы. К Глебу на ранчо.

Издевается, негодяй!

– Ой как славно! (С чего это она так обрадовалась?) Я у тебя, Глебушка, еще не была. Приглашаешь?

Кир подмигнул: большое удовольствие получал, созерцая мою физиономию. Это до меня наконец дошло, что он стресс снимает с моего перепуганного организма.

– Я приглашаю, – говорит, – вот только не веселиться. У нас проблемы, Аленка. Даже не проблемы – беда.

– Что?

Умница девочка! Кокетство сдуло, как пенку, собралась – рысь перед прыжком, – только улыбка на личике – еще рекламной. Школа!

– По дороге, Аленка! Глеб, прихвати коробки.

– Это что, – спрашиваю, – оружие?

– Нет, – отвечает. – Еда. Девочки собрали в дорогу.

– Кир, у меня дома на неделю хватит даже для тебя!

– Для меня, может, и хватит. Но, полагаю, будут еще гости.

Обрадовал.

Пока я протискивал свою «Ниву» через импортный металлолом, запрудивший центр родного города, Кир поведал Ленке наши приключения. Отнеслась она к ним своеобразно: с явной

заинтересованностью, я бы сказал даже – с вожделием. Как ребенок – к новому сорту мороженого. Это я по ее эмоциям прочел. Сестренка их не прятала, наоборот, демонстрировала. Смотри, Глебушка, оценивай. Притом что считывание мое в упор отслеживала и контролировала. Крепенький орешек!

Когда Кир вкратце пересказал почерпнутое из плетений Интернета, а также свои собственные мысли о черных друидах и темных астральных уродцах, Ленка востепенулась и тут же предложила:

– Давайте, мальчики, я у вас живцом поработаю!

– Нет! – отрезали мы с Киром с трогательным единодушием.

Ленка пожалала прямыми плечиками, но от мысли не отступилась, отложила на время.

За городом дорога побежала веселей. Гаишники мою потертую тачку с пренебрежением игнорировали, но движок у нее отлажен будьте-нате. Только прожорлив не в меру. На газ перевести, что ли?

Приехали. Вылез на свежий воздух, приняхался... вроде черного поблизости не наблюдается. И в доме – тоже.

– Выходите, гости дорогие, – говорю. – Пожалуйте в дом, откушаем, покалякаем.

Загнал «Ниву» под навес, в гараж уже не втиснуть – и так две машины внутри, спустился в погреб, закинул в грузовой лифт коробку яблок, копченый окорок – отправил наверх. Подниматься самому почему-то не хотелось. В погребе было хорошо: крепкие стены, монотонный гул кондиционера, лампочка... Блин! Что-то со мной не то. Интуиция играет или чужая воля наехала? Попытался профильтровать мысли – ничего. Ох, Господи, собаку, что ли, у соседа взять? Сразу вспомнился мертвый оскал кавказца и обломок сука, торчащий из густой шерсти... Где ты бродишь, черный ублюдок?

* * *

Ругай, не ощущая вкуса, выцедил кружку, обтер усы и улегся на широкую лавку. Кости ныли, должно, к перемене погоды. А может, и просто так.

Едва задремал – в дверь постучали. Робко, но потревожили. Сон у Ругая всегда был чуток. Оттого и жив.

Кряхтя, сел.

– Ну! – мрачно рыкнул он.

– Старшой, – пробасили из-за дверей, – колдун пришел.

Ругай шумно, как лось, вздохнул и потянулся за кольчугой.

– Ко мне его, – распорядился он.

Кольчуга была нездешней работы. Лет этак тридцать назад Ругай взял ее в дальнем набеге, ободрал с франка. А тот, скорей всего, еще с кого-то. Добрая кольчуга. В те времена висела на Ругае свободно, теперь – в обlipку. Раздобрел. Но в переделку вещь не отдавал. Испортят.

Дверь без стука распахнулась. В горницу важно вступил колдун.

«Чисто хозяин», – недовольно подумал Ругай, оглядывая приземистую неопрятную фигуру. А ликом-то как мерзок. Хотя и не из плоскомордых.

Ругай встал, выпрямился. Колдун макушкой ему и до плеча не достигаЛ. Но наглости не убавил.

– Звал? – равнодушно осведомился пришелец.

И, не ожидая ответа, похромал к заморскому, князем привезенному стулу, уселся на красный переливчатый бархат.

«Испортит обивку...» – подумал Ругай, глядя на порты гостя. И что он в рванине ходит? Денег небось полна кадушка...

Чтоб не стоять пред сидящим смердом, Ругай тоже сел. Поглядел на темное лицо... Ох недолюбливал Ругай ведьмака, а пришел тот – и полегчало.

– Да, звал,– строго сказал княжий человек.– Слышал уже про нашу беду?

Колдун кивнул:

– Где он?

– Внизу, в темнице.

– Загубил кого?

– Никого. Только Косаню. Так, двоих немного помял. Дерется крепко. Косаня так не мог.

А вечер спускался к нему, думал покормить – так прыгнул, едва глаз не вынул!

– Неча его кормить! – отрезал колдун.– Запоры добрые?

– Угу. Сидеть будет, пока не сдохнет.

– Не будет.

Прищур хитрый, подлый: знаешь сам, что не будет. Не то и не позвал бы.

– Как месяц новый народится, запоры ему будут не помеха,– «порадовал» колдун.

– Старый еще на убыль не пошел,– заметил Ругай и повертел на пальце перстень с печаткой-кречетом, князев дар.

– Через четыре дни господин наедет,– сказал, глядя в пол.

– Нелегко тебе,– проговорил ведьмак.

Ругай вскинул голову: издевается, подлый? Нет, вроде глядит с сочувствием.

– Поможешь?

– Слово мое тебе принесли?

– Угу. Про деньги не тревожься. Сполна получишь. Сразу. Я тебе верю. Когда начнешь?

– Когда?..– Колдун почесался.– А пойдем, что ли. Глянем на полоняника твоего.– И встал.

Ругай тоже поднялся. И хоть был вдвое шире и на четверть выше мужика, а не Ругай смущал смерда, а смерд – Ругая.

Воин подхватил пояс с мечом.

– Это без надобности,– заметил ведьмак.

– Тебе – без надобности, а мне – надобен! – и опоясался.

– Ну гляди,– процедил колдун.– Ему сей меч – как тебе хворостина.

Покривил душой ведун. Меч добрый, и с наговором. Коли сейчас этим мечом тварь переполовинить да тушу сжечь – ничего и не будет... Вот и точно, что ничего. А ему, ведуну, многое надобно.

Сторожевой дружинник так и шарахнулся от двери.

«Подслушивал, собачий сын»,– подумал Ругай. И отложил в памяти: ненадежный человек.

Провожаемые обеспокоенными взглядами челяди и воинов, Ругай и колдун спустились вниз и еще ниже, в темницу. Сторож, поклонясь старшему, отпер дубовую, с окошком-леткой дверь.

Княжий терем, огороженный простым деревянным тыном, стоял на взгорке. И вырытая почти на десять сажений темница всегда оставалась сухой. Крутая лесенка тем не менее была скользкой от плесени. Поручней не сделали – каменная кладка давала порядочно опоры для рук, но опоры такой же противно-склизкой, как неровные ступени лестнички.

Сторож шел перед Ругаем, нес чадающий факел. У ведуна заныла покалеченная нога.

«Оступлюсь... – подумал он,– все повалимся? – Поглядел на широченную, как ворота, спину Ругая: – Ничё! Этот сдюжит!»

А вслух сказал:

– У тя-т, наверху, получше будет.

– Темница – не светлица, сидеть – не веселиться! – приговоркой ответил Ругай.

Лестничка уперлась в земляной утоптаный пол. Стены из камня, наверху деревянные крепи. Три двери – на три стороны. Сторож вставил факел в держало и взялся отпирать дверь, единственную из трех – железную, тронутую влагой и ржавчиной. Возился долго, засов тяжелый заело.

– Крепко ли? – спросил Ругай.

– Самое то. А узников у тебя небогато.

«Откуда узнал? – подумал Ругай. – Сквозь затворы видит?»

– Гноить не люблю, – сказал с усмешкой.

Сторож довольно громко хмыкнул. Ругай многозначительно глянул на него, заметил:

– Я лучше батожком согрею!

Сторож сделал вид, что не ему сказано, но заторопился, рванул, крикнув, и засов стронулся.

– Погодь, – остановил колдун, когда Ругай вознамерился отворить дверь. – Дай-ко я послушаю.

Княжий слуга тут же отступил. Ему там, за дверьми, медом не намазано.

Изнутри не доносилось ни звука, однако ведун чуял сторожкое внимание взятого под замок. И еще – голод. Ведун даже подивился: ничего, кроме голода, не было в чудище, зато уж голод такой, что у ведуна зазвенело в ушах.

– Ну, чё он? – нетерпеливо спросил сторож.

И схлопотал затрещину от Ругая.

– Жрать хочет, – пробормотал колдун.

– Так не берет же снедь! – удивился Ругай.

Ведмак тихонечко засмеялся, и от смеха этого у обоих воинов холод пополз по хребтам.

– Он нашего не ест, – ответил колдун. – Слабый он покуда, равно что дитя. Иначе б вам его не обратать. А для силы да росту ему живот⁶ человеческий надобен.

– Чей? – сирым шепотом спросил, не удержался, сторож.

– Да хоть твой, хоть мой, хоть чей... Тихо!

Ведун опять тайным глазом коснулся чудища. Не-ет, то не лешак, не иная привычная нечисть, что ему, ведуну, ране попадалась. Рядом с этим мохноногий лешак – что мужик рядом с княжым воем, брани смолоду выученным. Не пособи ведуну Даритель, стал бы он, ведун, снедью для кромешника. Жило в чудище несообразное: алчная, огненная, нечеловечья жизнь и хитрый человеческий разум. Незнам.

Ведун все глубже окунался в суть чудища, но даже его изворотливый многознающий ум блуждал, как дитя в тумане. Дважды Незнам пытал и его самого, но ведун ограждался заветным словом, и Незнам сразу отставал. А Алчный никак не препятствовал. Боялся ведун. Спроста ли Алчный допустил его в себя? Может, заманивает? Ну, пушай! Не впервой – Силой против Силы! Да и огненная жизнь – не внове. Смушал ум-разум, Незнам, запрятавшийся в середке за надесятью крепкими препонами.

Ведун шел, как в Сумраке, откидывал шкуры-завесы, ждал – вот за новой – Незнам! Но то были лишь дымные голодные вихри да высосанные клоки чужих жизней. Сколь же он их взял?

Ругай потрогал ведьмака за плечо. Тот даже не шелохнулся. Оцепенел.

Выдернув из держалки факел, княжий слуга поднес пламя так близко к ведьмаковой роже, что запахло жареным волосом.

Колдун очнулся. Закатившиеся глаза вывернулись обратно, внимательно оглядели пламя, затем ведьмак слегка отодвинулся.

⁶ Живот – жизнь.

– Ну спугал ты меня! – с облегчением произнес Ругай. – Смотреть-то будешь?

– Посмотрел уж, – буркнул ведьмак. – Да не доглядел. Зря ты меня позвал...

– Извиняй, – повинулся княжий слуга.

Но колдун продолжал, не слушая:

– ...а, мабыть, и не зря... – уставил на воина холодные свои глаза. – Почуял что? Что?

– Что? – повторил Ругай и невольно попятился от ведьмака – такая властная сила изошла от того.

– Что почуял, допрежь как позвал меня?

Ругай нахмурил лоб, вспоминая... и вспомнил!

– А! – обрадовался. – Верно говоришь, как бы шепнул мне кто: глянь-ко на этого, на тебя значит!

Обрадованный княжий слуга даже хлопнул ведьмака по спине мозолистой лапой:

– А ты дело знаешь!

«Дурак», – подумал ведун, покосился на отпертую дверь, сунул руку за пазуху, потрогал схороненный нож за гладкую костяную рукоять.

«А вот войду сейчас к нему, да этого, – взгляд на болтливого сторожа, – подсуну. Хоть и знает про меня, а все равно Алчный ближнего схватит. Голоден сильно. Схватит, а тут я и споровю».

Подумал и отверг сразу. Не оттого, ясно, что сторожа пожалел. Причаровал ведуна Алчный. И Незнам тоже. Было в них нечто важное, что нельзя вот так взять и сгубить.

«Дарителю не понравится, – подумал. – И пусть».

Спросил:

– Когда господин твой будет?

– Четыре дня, я ж тебе говорил.

«Того довольно».

И вслух:

– Нелегка задача. Но... сдюжу. Пошли наверх, что ли? Деньги у тебя там?

Уже наверху, в покоях, глядя, как Ругай пересыпает серебро, ведун вдруг подумал:

«А ведь не надобны они мне... ежели сладится. Что мне тогда деньги?»

Однако ж взял толстенный мешочек, сунул под рубаху, распорядился:

– Буду через три дни. Урода не кормить, не поить, в дверку не зырить, никого не подпускать! Не то... сам знаешь!

– Знаю, – кивнул Ругай.

«А мерзкий человечиска, – подумал княжий слуга, проводив взглядом сутулую спину. – Хоть бы слово доброе на прощанье сказал...»

Глава седьмая

Разорванное существо Морри терзал голод. И страх.

Лишившись большей части себя, лишившись привычного тела, способностей, растеряв большую часть силы во время бесплодной борьбы с человеком, Морри тяжело страдал. Сейчас он был подобен изгнанному из дворца могучему владыке, лишенному слуг, воинов, оружия, даже крепости тренированных мышц. Нищий, довольствующийся крохами, тем, что могли дать деревья, земля, звезды. Леопард, вынужденный жрать траву. Да, Морри все еще оставался одним из немногих, способных исторгнуть, вырвать Жизнь из цитадели физического тела. Но добыть – мало. Надо удерживать. А здесь, в человеческом поселке, так и кишат пожиратели падали. Не в их власти отнять жизнь, но вот отнять отнятое они могут. Прежнему Морри ничего не стоило держать в отдалении скопища стервятников. Прежний Морри брезгливо сторонился мелких пожирателей, паразитов человеческой массы. Он почти забыл о том, как их много. Или их действительно стало больше с тех пор, как Морри последний раз подходил к людским жилищам? Плохо, очень плохо. А еще хуже то, что Морри-алчущего невозможно увести от поселка. И от дома, где лежат останки... и большая часть накопленного за века вольной жизни.

А вокруг ходила Пища, и Морри-разуму было очень трудно сдерживать свою вторую половину. Морри знал: если алчещ схватит Пищу, то будет драться за нее хоть со всем бестелесным миром. Драться, даже если это приведет к разрыву Единства, к Рассеянию.

Поэтому Морри-разум старался держаться поближе к Дому.

Огражденный силой хозяина, Дом недоступен для мелких хищников, но благодаря двойственности Морри эта ограда ему не помеха. Вот только два человека, затаившиеся внутри, – очень опасная добыча. Даже Морри-алчущий испытывал страх перед теми, кто доказал свою силу. Нет, никакой голод не заставит Морри напасть на *этих* по собственной воле.

Морри кружил около Дома, замкнув себя внутри нового неуклюжего тела, спрятав его прежнего хозяина в сплошной кокон. Эта жизнь – резерв. То, что понадобится для последнего броска. Больше у Морри ничего нет.

Двое уехали, но Морри не рискнул проникнуть в Дом. И так невероятно трудно скрывать свое присутствие от нечеловечески чуткого человечка. Морри зарылся в кучу старой листвы на заднем дворе, приник к сырой земле и ждал... Ждал...

И вот двое вернулись. И привезли с собой третью, женщину. Морри возликовал. Хотя что тут удивительного? Мужчинам необходима женщина. Так было всегда.

Морри с нетерпением дождался сумерек. Будь у него прежнее тело, он мог бы без труда проникнуть сквозь эти бревенчатые стены. Но и теперь попасть внутрь – не проблема. В каждой комнате есть окно. Оставалось надеяться, что женщина на какое-то время останется одна – Морри совсем не хотелось сталкиваться с мужчинами до тех пор, пока не вернулась прежняя сила.

Морри стяхнул с себя листья, выпрямился и втянул влажный воздух расширившимися ноздрями. Ветер принес запахи дыма и человеческой пищи, запахи животных и навоза, распиленной древесины и сырого железа. Громкие и неприятные запахи. Длинными легкими прыжками Морри пересек двор и вскарабкался на высокую самоуверенную сосну в двадцати шагах от Дома. Отсюда он очень осторожно прощупал происходящее за стенами. Удачно, что Дом не сложен из камня. Дерево, даже мертвое дерево, совершенно прозрачно для Морри. Главное, чтобы человек не учуял...

Женщина была одна. В комнате на втором этаже, притом что оба мужчины оставались на первом. Удачно!

Точным броском Морри перебросил себя с сосны на старую березу, росшую у самой стены. Упругий прыжок, которому позавидовала бы белка. Дерево отозвалось шепотом вялых осенних листьев. Береза была больна. Человеку следовало убить ее раньше, чем она падет. Но человек не успеет. Потому что еще раньше Морри убьет человека.

Длинная ветка подбиралась к самому окну. Морри приник к белой гладкой коре, Морри смотрел на женщину...

О!.. Женщина – из прекраснейших. Новое тело Морри пришло в возбуждение, отозвавшись на природный зов. Это тело еще могло вкусить животных радостей. Но в еще большее возбуждение пришел Алчущий. Женщина сияла, как полная луна!

Морри подполз ближе, с удовольствием заметив, что новое тело повинуетя чуть лучше. Обращение шло постоянно.

Штора на окне задернута, но что для Морри – штора? Он видел женщину так же ясно, как сокол в солнечный полдень видит играющего в траве лисенка.

Обнаженная, женщина сидела на ковре, сомкнув колени, опустив на пятки мягкие ягоды. Морри ощущал, как поднимается Сила по прямой спине женщины, видел, как чуть заметно подрагивают ее груди и живот. Но лицо женщины, ее прекрасное зовущее лицо с глазами, сияющими под опущенными веками, оставалось в неподвижности. В ожидании...

Морри знал, что она делает, знал, чего она ждет. Он видел живое облако Силы, густеющее над женщиной. Неимоверным усилием Морри-разум сдерживал Алчущего. Он хотел, чтобы женщина достигла пика. Тогда и только тогда Морри соединится с ней древнейшим из таинств. Никто не сможет помешать. Мужчины внизу? Теперь они казались крохотными и совершенно ничтожными. Сама женщина? Она не сможет... Она не захочет сопротивляться!

Морри излучал желание, такое неистовое желание, какому никто из смертных не мог бы противиться. Новое тело неистовствовало: пот тек ручьями, сердце билось с неимоверной скоростью, слюна точилась между стучащими зубами. Морри забыл об осторожности. Морри-разум сделал последнее титаническое усилие, но Алчущий смел его своей неистовой жадой. Оттолкнувшись от ветки руками и ногами одновременно, Морри ринулся вперед, вышиб раму и в звоне сыплющегося стекла ворвался в комнату...

– Кир! – закричал Стежень, вскочив на ноги. – Кир, он здесь!

И через миг, словно в ответ на его возглас, сверху донесся звон разбитого стекла.

– Ленка! – закричал Глеб и, всего лишь на шаг опередив Кирилла, рванул к лестнице...

И тут в них вонзился Звук!

Нечеловеческий, нестерпимый, невероятный визг заставил их скорчиться, упасть на колени, зажимая ладонями уши, теряя дыхание от нестерпимой боли...

Игоев пришел в себя первым. И успел остановить Глеба, который на автопилоте, еще не оклемавшись, попытался рвануть вверх по винтовой лестнице.

– Топор, – сказал он.

Глеб посмотрел на него невидящим взглядом, потом резко кивнул и, обогнув лестницу, бросился в прихожую. Вернулся через несколько секунд, с топором. И слегка очухавшийся, Игоев приложил палец к губам.

Шаги наверху. Тихие, но достаточно явственные.

– Это не он, – прошептал Глеб. – Я его не чувствую.

– Как и раньше, – заметил Кирилл, и Стежень судорожно вздохнул.

Да уж, прохлопал...

– Аленка? – негромко окликнул Кирилл.

Шорох шагов на мгновение смолк... и возобновился.

– Я иду, – донеслось сверху, и мужчины вздохнули с облегчением.

Женщина спустилась вниз, на ходу застегивая халат. Глеб впился в нее взглядом... и окончательно убедился: Морри не причинил ей вреда. Кир прав: эта женщина – крепенький орешек.

Лена прошла мимо Стежня, задев его полкой халата, обдав волной незнакомого будоражащего запаха. Глебу показалось: ладонь женщины коснулась его лица. Роскошная иллюзия! Стежень быстро обернулся: Кирилл улыбался одними глазами. Стежень покачал головой и тоже прошел в гостиную.

Елена уселась в кресло, закинула ногу за ногу.

– Ваш дружок меня навестил,– сообщила она с ехидной улыбочкой.

И замолчала.

Игоев обошел Глеба, прислонился к стене, скрестив на груди могучие руки. Взгляд его был безмятежен. Стежень почувствовал себя школяром, не разбирающимся в предмете.

– И что дальше? – сухо спросил он.

– Душка его приревновала. И отбрила. Слышали, как верещал?

– Душка?

– Вас познакомить? – Рука Елены нырнула под халат.

Стежень наклонился, чтобы лучше разглядеть то, что она достала. Это оказался кулон на шнуре: вырезанный из прозрачного материала стеклянный череп. Глеб невольно, по мужской привычке, скосил глаза вниз, за разошедшиеся края халата... и тут же выпрямился. Ленкина игра могла бы его развлечь... Но не в столь неподходящее время.

– Будет удобнее, если ты его снимешь,– произнес Глеб.

– Напротив! – возразила женщина. – Если я ее сниму, всем нам станет очень неудобно!

Кирилл отлепился от стены, подошел, вынул кулон из пальцев хозяйки и поставил на просторную ладонь.

Точно череп. Небольшой, примерно с фалангу большого пальца, с идеальной точностью вырезанный из цельного кристалла горного хрусталя. Изумительная работа: крохотные зубки, очертания глазниц, носовые отверстия скопированы с потрясающей достоверностью. К тому же череп оказался полым!

Кирилл постучал ногтем по прозрачному темени.

– Без фамильярностей! – предупредила Лена. – Хочешь, чтобы Душка обиделась?

– Череп предположительно женский,– тоном специалиста сообщил Глеб. – Правильных пропорций.

Три еле заметные зубчатые линии расходились под равными углами от выпуклого темени. Крохотная корона огибала череп повыше впалых висков. У короны имелись подобию «ушек», сквозь которые и был продет волосяной канатик.

Стежень потрогал шнур: странно, шерсть незнакомая.

– Чья? – спросил он.

– Обезьяна. Налюбовались? А теперь я вам кое-что покажу. Глебушка, найди мне зажималку.

Взяв череп двумя пальцами, Елена поднесла снизу желтый язычок пламени... и впадины глазниц вспыхнули. Да так ярко, что Стежень невольно прищурился.

– Крепко! – произнес он с восхищением. – Можно потрогать?

– Потрогай,– улыбнулась Елена. – Душка не против, ты ей нравишься.

Глеб положил кулон в центр ладони, как только что – Кирилл... и поспешно вернул хозяйке.

– Ох и штучка! – пробормотал он, встряхивая кистью.

– Дух Зла,– нежным голосом сообщила Елена. – Душка! Не беспокойся, Глебушка, она безвредна... для моих друзей.

Глава восьмая

Глеб Стежень

Истекал третий час ночи, но спать не хотелось. Ни мне, ни Киру. Ленка сидела наверху тихо как мышка. Но сдаётся мне, тоже бодрствовала.

– Итак,– резюмировал я плоды двухчасовой беседы,– ничем существенным мы похвастаться не можем.

– Будем думать,– флегматично отозвался Кир, покачал бокал с темной влагой, той самой, в которой соединились вода и огонь, понюхал деликатно и пригубил.– Алкоголь – великая сила,– изрек он.– Если – с умом!

Алкоголь, блин! Можно подумать, он не мартель цедит, а паленую водку. Хотя, надо отметить, это его мартель, а не мой.

Снаружи заурчал мотор. Заурчал и умолк. Надеюсь, не к нам... Нет, все-таки к нам.

– Кир,– сказал я,– у нас гости.

– Люди? – спросил он с прежним флегматичным видом.

– Люди. Полуночники.

– Ты им льстишь.– Кирилл кивнул на часы.

Позвонили.

– К бесу! – сердито сказал я.– Все ушли на фронт.

Звонок не унимался.

– К бесу всех! – повторил я.

Звонили, я бы сказал, с остервенением. Если начнут ногами в дверь лупить – выйду и ноги выдерну. Слово!

– Может, откроешь? – проговорил Кир.– А то ведь Аленку разбудят.

– Думаешь, она спит?

– Тебе виднее. Ты же у нас экс-тра-сенс! – сочно так, по слогам. Издевается, буйвол бородатый.

– Открой, если хочешь,– говорю.– Только имей в виду: они нас не любят.

Звонок верещал не переставая.

Кирилл поднялся, вразвалочку направился в прихожую.

– Прикрой,– бросил мне.– Если власти – сам разберусь, нет...

– Понял,– перебил я и двинулся следом.

Звонок смолк, как только лязгнул засов. Кирилл распахнул дверь и посторонился:

– Глеб Игоревич, это к тебе.

Вне всяких сомнений! Кисти рук у меня как-то сразу отяжелели. А в ногах, наоборот, появилась приятная легкость.

Трое. Два мордovorота и «джентльмен». Мордovorоты: сто девяносто на девяносто, глаза-дырочки, походка враскорячку, цепки-гайки. «Джентльмен»: тертый, бритый, волевой. Загар, прическа, пиджачок клубный – как влитой, лучших кровей. Тоже при золоте, но уже не весомом, антикварном. Новый русский герой. Вот только глаза с недобрый прищуром – атрибут, как выражаются в американском кино, «плохого парня».

– Прошу,– я сделал жест в сторону гостиной. Никакой подвижки. Мордovorоты явно предпочитали оказаться за моей спиной, а «джентльмен» не хотел опережать мордovorотов. Ладно, пойдем первыми. Моя спина тоже кое-чего стоит.

Кирилла мордовороты явно в расчет не принимали. Мешок. Большой кусок мяса. К таким реальные бойцы относятся с подчеркнутым пренебрежением... если «мешок» не является хозяином.

Напрыгивать на меня сзади не стали, вошли, расположились: Кирилл – в своем любимом кресле, «джентльмен» – в соседнем, бодигарды – на своих двоих, взяв (как полагали) меня под контроль.

– Ну? – осведомился я как можно недружелюбнее.

– Где моя жена? – спросил «джентльмен».

Вернее, так: «Где? Моя? Жена?»

– Жена? – поначалу я искренне удивился, решил, что он имеет в виду Ленку. Но через полсекунды допер и с трудом удержал лицо. Потому что правдивый ответ: «Твоя жена в холодильнике, куда я ее положил, чтобы не протухла, пока...» – и так далее. Правдивый ответ, но неправильный.

– Я чужим женам не сторож! – заявил я нагло.

– Ты, бля... – начал один из мордоворотов, но «джентльмен» остановил его небрежным жестом.

– Она здесь, Стежень!

«Гляди-ка, даже фамилию на табличке удосужился прочесть!»

– Дурачка строить не надо! – заявил мой светский гость. – Я этого не люблю. Если ты купил мусорков, считай, зря деньги выбросил. Мои пацаны шмонают не хуже, а я не какой-то дренов следак. Я спрашиваю – мне отвечают. Которые поумнее – сами, которые поглупее – с яйцами в дверях или с гвоздем в ухе. Я понятно говорю?

– Вполне, – выдал ему свою самую дружелюбную ухмылку. – Пацаны твои – пусть лопатники свои шмонают. У меня они найдут только... неприятности. Я понятно говорю?

«Джентльмен» вздохнул. Этак напоказ. Как президент банка, которому посреди ленча сообщили о делегации ободранных вкладчиков. Мордовороты придвинулись. Но бить не торопились. Может, очком просекли, с кем имеют...

Нет, не просекли. Тот, что справа, с деревенским простодушием пробил прямой в челюсть.

Осс!

Ах, как неприятно. Бьешь с короткой в лицо, а лица – хоп! – и нету! Зато есть пятка, красиво расплющивающая обе губы сразу. А могли бы и зубки посыпаться! Но это еще не больно. А вот теперь – больно. Но тоже не очень. Так, локотком по мужским достоинствам, вернее, как в данном случае, недостаткам. Легонечко, как доктор прописал. А теперь серия цки по накачанному прессу второго тормоза: бум-бум-бум. Как по макиваре. Вот и все. В одном случае – мягкое оседание на пол, во втором – почтительный поклон с прижиманием рук к просторным штанишкам. И никаких кровавых соплей с блевотиной на ковер.

Довольный собой, я перевел взгляд на «джентльмена»: понравилось зрелище?... И увидел красивый черный импортный пистолет, явно не обремененный лицензией, потому как никаких распылителей в стволе не имелось. Пистолет, грамотно обращенный не в голову, а в корпус. Точнее, в мой собственный живот. И сразу видно, что «джентльмен» тир посещать не забывает и на живой мишени тоже с удовольствием попрактикуется.

– Где? Моя? Жена? – ровным голосом произнес «джентльмен». – Даю тридцать секунд, потом схлопочешь прямо в ливер.

– Серьезный довод! – пророкотал развалившийся в кресле Кирилл.

«Джентльмен» даже бровью не шевельнул. Это вам не кино, где нехороший дядя размахивает стволом, как клюшкой для гольфа.

Придется прыгать. Плохо, что далеко. Но если уйти с линии, поддеть журнальный столик, закрыв обзор, а потом с ковра... Пуля в живот – это так неприятно...

Тук-тук-тук – вниз по ступенькам.

«Джентльмен» проворно поднялся. Я знал, что со своего места он может видеть винт лестницы. Если он хоть чуть-чуть изменит позицию... Я очень медленно, держа руки на виду, переместился вправо, увеличивая угол расхождения. Но мой незванный гость хоть и напрягся, но пистолет держал твердо и меня держал – боковым зрением, но это еще опасней. Рефлексы, если они есть, срабатывают четче.

Когда глазам «джентльмена» предстали женские икры, покрытые ровным южным заггаром, щека у него дернулась. Но только один раз.

Елена, неторопливая, элегантная, с чуть растрепанными (наверняка намеренно) волосами, очень уверенная и очень сексуальная, вошла в гостиную, скользнула взглядом по выбившим бодигардам, выразила бровью легкое удивление, затем перевела глаза на «джентльмена», отдельно – на пистолет (еще большее удивление), потом на меня и снова – на «джентльмена». Безукоризненная игра лицевых мышц: недоумение, огорчение, беспокойство и точно дозированная доля кокетства. «Джентльмена» зацепило, но не настолько, чтобы настроить на друшный лад.

– Добрый вечер! – полным обертонов голосом произнесла Ленка. – Я не помешала? Глеб, представь меня, пожалуйста, господину.

– Елена Генриховна Энгельгардт, – сказал я. – Господин, к сожалению, не представился.

– Шведов Виктор!

Эдак по-европейски. И крохотный наклон головы.

Ленка шагнула вперед и оказалась между нами.

– Виктор, вы собираетесь стрелять? В меня?

– Надеюсь, не придется.

Даже под чарами Ленки он ни на миг не расслаблялся. Шаг в сторону, чтобы видеть меня и одновременно увеличить дистанцию между собой и очаровательной женщиной. Насмотрелся голливудских боевичков, где очаровательные блондинки сплошь и рядом оказываются мастерами годзю-рю.

За его спиной бесшумно поднялся и шагнул вперед Кирилл.

Смотреть на физиономию господина Шведова – одно удовольствие. Вот уж откуда он не ожидал нападения! Но Кирилл левой рукой ласково обнял его за плечи (ласково, но с медвежьей силой), а правой накрыл запястье «джентльмена».

На лбу господина Шведова выступил пот, чисто рефлекторно он попытался сопротивляться, но шансов у него было не больше, чем у салона «Жигулей» под тридцатитонным прессом. Кирилл без заметных усилий направил пистолет в карман «джентльменова» пиджака, затем слегка придавил, и пистолет выпал в этот самый карман.

– Глеб, – поинтересовался Кир, – ты спутников уважаемого гостя не очень повредил?

– Обратимо. – Теперь я мог позволить себе расслабиться. – Реанимировать?

– Пока не надо.

Тут он выпустил «джентльмена» и снова опустился в кресло, что удивило «уважаемого гостя» еще больше, чем неожиданное вмешательство.

– Я – Игоев, – вальяжным голосом сообщил Кир. – Полагаю, вы слышали обо мне, господин Шведов. Равно как и я – о вас.

– Разумеется.

Наш незванный гость снова извлек пистолет из кармана, но лишь затем, чтобы поставить на предохранитель. Вот это правильно.

– Аленушка, – пророкотал Кир, – не сочти за труд, смешай господину Шведову что-нибудь легкое.

– Не надо! – резко сказал наш гость. – Я не буду пить. Надеюсь, вы не забыли мой вопрос?

– А как же! – Бас Кирилла приобрел прямо-таки завораживающие нотки.– Скажите, Виктор, вам известна моя репутация?

Кивок.

– И вам я кажусь здравомыслящим человеком?

– Да.

– В таком случае дайте слово, только себе самому, что не будете действовать опрометчиво,– и вы узнаете о случившемся с вашей женой все, что знаю я.

– Что с ней?

– Не торопитесь, господин Шведов. Повторяю, вы все узнаете. Считайте себя на какое-то время моим клиентом и помните: я всегда отвечаю за качество предоставляемой информации.

Кир его сдвинул. Теперь господин Шведов выступал уже в ипостаси не разгневанного мужа, а делового человека в процессе сделки. Стереотипы – могучая вещь.

– Мы договорились?

– Да.

– В таком случае, Глеб, пожалуйста, возроди спутников нашего гостя.

– Момент!

Собственно, «возрождать» пришлось только одного. Второй уже был почти в форме, только разумно предпочитал оставаться на полу. Паренек явно не из тех, кто готов принять на грудь предназначенную клиенту пулю. На реабилитацию другого ушло полминуты. Но прыти поубавилось и у него. Оба теперь прониклись ко мне должным почтением. Большого не требовалось.

– Пойдемте, Виктор, я покажу вам вашу жену,– сказал Кирилл.– Только, пожалуйста, держите себя в руках. Ничего хорошего вы не увидите.

От Кира всегда ожидаешь чего-то подобного.

Я сходил за ключами.

Проникнуть в мою лабораторию не легче, чем взломать сейф средней надежности. Это теперь, когда каждый второй обитатель поселка побывал моим пациентом, я мог не беспокоиться насчет кражи со взломом. Но когда я только возвел этот домик в поселке, где отсидевших больше, чем отслуживших в армии, ситуация была иной.

В полном молчании Кир, я и наши гости спустились вниз. Ленка – тоже.

Слегка помятые бодигарды остались при дверях, а их патрон прошелся по лаборатории, вертя головой. Потом поглядел на меня. С уважением. Еще бы! Оборудование у меня на высшем уровне. Что здесь, что в операционной.

Воздух в лаборатории сухой и прохладный, чуть-чуть ароматизированный. Вытяжку ставили безработные парни из оборонки. При желании возможна полная регенерация, как в убежище. Но это – к слову.

– Глеб,– произнес Кир,– покажи господину Шведову трофей.

Я открыл морозилку и вывалил на кафедру мешок с половинкой монстра.

Наш гость наклонился, изучил покореженную «африканскую маску», спросил хладнокровно:

– Огарок?

– Нет,– сказал Кир.– Это убийца... Не трогать!!!

Шведов, вздрогнув от неожиданности, отдернул руку, выпрямился.

– Кто же убит? – спросил он холодно.

Вместо ответа я открыл второй морозильник.

Самообладанию нашего гостя можно позавидовать. С полминуты он молча стоял, глядя на уложенное в металлический ящик тело жены. Лицо Шведова порозовело, губы сжались в нить. Я стоял рядом. Раньше я так толком и не разглядел ее лица. И только сейчас мне по-насто-

ящему стало жаль эту женщину. Хотя бы потому, что она оказалась очень красивой. Белизна делала ее лицо похожим на гипсовую маску...

Шведов поднял голову.

– Я жду объяснений! – жестко произнес он. – Отчего она умерла?

– Дерево, – рассеянно проговорил я, не в силах отвести глаз от тронутого инеем лица.

– Я не склонен шутить!

Ого! Опять угрожать изволим!

– Он не шутит, – спокойно подтвердил Кирилл. – Вскрытие, если, не дай Бог, его придется делать, покажет, что смерть наступила в результате повреждения шейного отдела позвоночника.

Шведов сверлил его недоверчивым взглядом.

– Так и есть, – вмешался я. – Подтверждаю как врач. Ее ударило корневищем дерева.

И тут я, к стыду своему, впервые заметил некую странность. Да, перелом основания черепа очевиден, но канал не поврежден. Я знал парня, который с аналогичной травмой после неудачного прыжка в воду не только не умер, но даже успел развести костер, прежде чем беднягу скрутило по-настоящему.

«Стоп, – подумал я. – С этим ты еще успеешь разобраться».

– А где Ходжа? – спросил Шведов.

– Кто?

– Собака!

– Напоролся на сук, – сказал я.

– Не пизди!

– Виктор, здесь дама, – одернул гостя Кир. – И еще раз напоминаю: вы – мой клиент. Я отвечаю за достоверность сказанного.

Шведов поглядел на Кирилла, потом на меня, потом опять на Кирилла. Оба мы ему не нравились.

– Собака – тоже его работа. – Я кивнул на останки монстра.

– В таком случае, я хочу знать, что это такое? – Да, нервы у «джентльмена» что надо.

– Может быть, поднимемся наверх? – предложил Кир. – Это длинная история.

– Нет! Я предпочитаю – здесь! – отрезал наш гость.

– Здесь так здесь, – согласился Кирилл. – Глеб, убери, пожалуйста, *это* в холодильник.

Я наклонился к останкам и...

Морри-разум понимал, что рискует. Но второго случая могло не представиться. На полу лежало его тело. Тело, принадлежавшее ему сотни лет и пропустившее сквозь себя сотни жизней, хранившее неисчислимые сокровища...

Морри стоял на ступенях лестницы, и новое вместилище его, дрожа, истекало потом. Морри видел, как сразивший его наклоняется к останкам. Человечек не мог учуять Морри. Человечек был занят собственными эмоциями, а Морри специально следил за тем, чтобы его не учуяли. И все-таки человечек тревожился. Пускай. Морри знал, что ему нужно. Всего лишь прикоснуться к останкам. Но сначала надо добыть силу.

Ближе всех стояла женщина. Но эту женщину не желал даже Морри-алчущий. О, теперь Морри знал: женщина не жертва. Она – тоже охотник. А вот мужчина справа от двери – то, что требуется!

Глеб Стежень

Темная тень метнулась вниз. Один из бодигардов захрипел, выгнулся. Затылок его ударился о стену. Я увидел силуэт, нависший над беднягой, слившийся с ним.

«Жрет!» – мелькнула мысль, а руки сами сделали единственно возможное: подхватили останки, забросили их в морозильник и захлопнули дверцу.

– Кир! – закричал я. – Сюда!

А сам схватил обмершего Шведова и швырнул в самый дальний угол. Затем то же проделал со вторым охранником. Я успел увидеть, как тварь перетекла в новое тело. Я очень надеялся, что переход сделает монстра менее прытким. Увы! Пожрав новую жертву, он только окреп. Зато как он взбесился, обнаружив, что черная радиоактивная дрянь упрятана в морозилку! Меня аж покачнуло от этой ничем не замутненной ярости. Зато Кир не сплоховал. Прижался спиной к холодильнику, растопырил руки. Урод дернулся было к нему – и отпрянул. Приссал, поганец...

Время двигалось потрясающе медленно, зато монстр – потрясающе быстро. Дергаясь и вертясь, как припадошный, но при этом не задев ни единого предмета, урод сплясал свой ублюдошный танец, выбирая, к кому присосаться. Длилось это не больше секунды, и я заранее знал, на ком он остановит выбор. Как ни странно, я не боялся. Хотя шансов у меня было не больше, чем у пса, вставшего на пути леопарда...

Раздался тонкий свистящий звук. Боковым зрением я увидел, как задымилась Ленкина блузка, а из точки меж ее грудей вырвался острый ослепительный луч, тут же превратившийся в огненный бурлящий факел, ударивший прямо в физиономию твари.

На этот раз никто не услышал визга. Звук был за пределами человеческого слуха. И пламени тоже никто, кроме Стежня, не увидел. Остальным показалось только, что воздух между Еленой и припадошно трясущимся охранником вдруг задрожал, а на блузке женщины появилось серое дымящееся пятно. В следующий миг охранник рванул вверх по лестнице, а тот, кто несколько секунд назад был чудовищным монстром, сломанной куклой осел на пол.

Глеб прыгнул вперед, подхватил падающее тело и успел уловить последний слабый удар сердца.

– Кир, возьми его! – крикнул Стежень и бросился в операционную.

Игоев с легкостью поднял на руки тело Дмитрия и шагнул следом. Шведов, вытиравший платком лоб, взглянул мельком на запрокинутое, высохшее, как после многодневной голодовки, лицо Грошнего... и остолбенел.

– Ёш твою мать... – прошептал он. – Ну ни хрена...

Несмотря на истощение, несмотря на то что кожа жертвы Морри уже приобрела характерный коричневый оттенок и лицо больше смахивало на обтянутый кожей череп мумии, Шведов его узнал.

Но ничем, кроме единственного восклицания, не выдал своего удивления.

Оглядевшись, он обнаружил, что морозилка, в которой лежало тело его жены, не заперта, и защелкнул замок.

– Разумное решение, – раздался у него за спиной голос Елены. – Восхищена вашей выдержкой, господин Шведов.

Виктор быстро обернулся, удивленный не столько словами, сколько теплотой, с которой они были сказаны.

– Мне кажется, – продолжала Елена Генриховна с обворожительной улыбкой, – теперь мы можем подняться наверх и выпить что-нибудь... успокаивающее.

– Было бы кстати, – буркнул Виктор и двинулся наверх, сделав знак оставшемуся охраннику следовать за собой.

– Коньяк, ром, виски? – предложила Елена, открывая бар.

– Водку.

– Боюсь, с водкой сложности, – заметила Елена. – Наш хозяин ее не жалуется. Погодите, сейчас посмотрю в холодильнике.

Она вышла на кухню.

– Куда это уперся Рустам? – сердито спросил Шведов у второго бодигарда. Но тот только пожал плечами.

Вернулась Елена.

– Нашла, – сообщила она, поставив на стол запотевшую бутылку. – Откроете?

Шведов кивнул бодигарду. Распечатав, тот вопросительно поглядел на патрона.

– Наливай, – распорядился тот. – Себе тоже.

– Но...

– Я сказал, наливай! – рявкнул Шведов, и щека его дернулась.

– Грибы. – Елена принесла из кухни вазочку с горкой блестящих рыжиков и двумя крохотными вилочками.

Налив себе густой белый ликер, она подняла бокал, поочередно улыбнулась Шведову и охраннику. Бодигард осклабился в ответ, его хозяин остался мрачен. Но водку выпили оба.

– Елена... э... Генриховна, – сказал Шведов, – что здесь происходит?

Женщина посмотрела на него поверх края бокала, и Виктор испытал странное ощущение... словно чуть-чуть оторвался от пола.

Шведов уже много лет смотрел на женщин как на нечто, предназначенное для удовлетворения его, Виктора Шведова, потребностей, делая исключение только для жены, которая была чем-то вроде одушевленной собственности. Жену он по-своему любил, а прочих... Можно с уверенностью сказать: женщины интересовались Виктором больше, чем он – ими. Но в этой самоуверенной красоте чувствовалась изюминка.

Шведов опустил в кресло.

– Пойди проверь машину, – приказал он охраннику.

Елена подошла в окно, поглядела в темноту.

– Мне показалось, вы знакомы с... пострадавшим, – проговорила она, не оборачиваясь. – С Дмитрием Грошним.

– Еще бы, – буркнул Шведов. – Он – брат моей жены.

– Вот как? – Елена повернулась, потрогала темное пятно на блузке. – Жаль, – проговорила, – совсем испорчена. А мне она нравилась.

– У меня салон на Суворовском, – проворчал Шведов. – Приезжайте и выбирайте, что понравится. Там только Франция.

Прозвучало не так, как надо, и Шведов вдруг смутился. Теперь, когда они остались наедине, непонятное волнение, которое будила в нем близость этой женщины, усилилось.

Елена покачала головой.

– Я привыкаю к вещам, – проговорила она. – И вещи привыкают ко мне. Вы спрашивали, что происходит? Боюсь, я не могу объяснить... Но в настоящий момент вам, лично вам, Виктор, вашей жизни, никто не угрожает.

– Надо понимать, что недавно было не так?

– Не так.

– Может, вы скажете еще, куда и почему смылся мой охранник?

– Могу. – Елена выдержала паузу. – Он украл его тело.

– Кто – он?

– Назовем его – призрак.

Шведов ухмыльнулся, но увидел, что в глазах собеседницы нет и намека на шутку.

– Да... – пробормотал он. – Как в кино.

– Хуже, – заметила Елена. – Счастливого конца не будет.

– Да... – еще раз протянул Шведов. – Обидно. Вот вы, Леночка, очаровательная женщина, понимаете, что происходит. А я, мужчина, сижу бестолочью и задаю глупые вопросы. Вам это не противно?

– Нет, Виктор.– Елена коснулась руки Шведова, и тот жадно схватил ее пальцы.– Это моя профессия, Виктор. Я – ведьма.

Шведову показалось, что ее глаза слились в одно огромное око. Он вздрогнул и выпустил тонкие пальцы.

– Любая женщина – ведьма,– хриплым голосом произнес он.– Любая настоящая женщина.– И добавил игриво: – Я вас боюсь.

Елена рассмеялась, и от звука ее смеха Шведов пришел в необычайное возбуждение.

– Вы храбрый человек, Виктор,– проговорила Елена, обворожительно улыбаясь, и наполнила свой бокал.– Вам налить?

– Да, но не этой патоки. Как вы красиво двигаетесь, Леночка. Как танцовщица.

– Я и есть танцовщица. Храмовая танцовщица.

– И где же этот храм? – светским голосом осведомился Шведов.

– Не скажу,– засмеялась Елена.– Ваша водка...

Шведов проглотил водку, поймал ее запястье, поднес к губам.

– Ты меня очаровала, ведьмочка! – решительно заявил он и потянул ее к себе, но Елена ловко высвободилась.

– Виктор,– произнесла она холодно.– Там внизу – труп твоей жены. И любой в этом доме может оказаться в соседнем холодильнике. И самый уязвимый – ты!

– Я так не думаю,– процедил Шведов.– Я играю...

– Это не твоя игра! – перебила Елена.– Ты не знаешь ее правил. Но ты... очень интересный мужчина!

Быстро наклонившись, женщина поцеловала его в губы и так же быстро отстранилась.

– Будь благоразумен,– попросила она.– Пожалуйста!

Шведов встал.

– А я не хочу быть благоразумным! – заявил он и шагнул к женщине.

В этот момент в гостиную вбежал бодигард.

– Виктор Иваныч!

– Выйди,– не оборачиваясь и не повышая голоса, приказал Шведов.

– Но, Виктор Иваныч...

– Выйди!

– Машины нет! – выпалил охранник.

– Вон!!! – рявкнул хозяин, и бодигард пулей вылетел за дверь.

Пристально глядя на Елену, Шведов произнес:

– Я не знаю, что тут происходит. Но когда я говорю – да, ни одна женщина не говорит – нет!

– Нет.– Елена покачала головой.– Забудь свои привычки.

– Зря ты так разговариваешь со мной,– процедил Шведов.– Я знаю, как обращаться с женщинами!

Он стоял, возвышаясь над Еленой, расставив ноги, агрессивно наклонив голову. Его руки в карманах пиджака сжались в кулаки.

– Со мной нельзя так разговаривать! – с угрозой произнес Шведов.

– Да,– сказала Елена, отступив на полшага и опершись на спинку кресла.– Ты прав. С тобой так разговаривать нельзя!

Она улыбнулась, но на сей раз улыбка не смягчила ее лица, а, наоборот, придавала ему остроту, что-то волчье...

– Виктор! – произнесла женщина низким вибрирующим голосом.– Я не из тех, с кем *обращаются*!

Шведову от ее голоса стало не по себе. Кулаки разжались.

– Со мной не обращаются, Виктор! Это я *обращаюсь*!

Поза Шведова утратила бычью напористость, а лицо вдруг стало растерянным, даже глуповатым. Он вдруг ощутил перетекание горячей жидкости в нижней части живота и одновременно холодную пустоту – в верхней. И еще совершенную потерю физических сил. Очень захотелось присесть, но для этого пришлось бы сделать пару шагов, а Виктор *боялся* сойти с места. Он боялся *упасть*!

Уши словно набили ватой. Сердце прыгало в панике. Он сам был в панике и при этом совершенно не способен защититься. Ему *нечем* было защищаться.

Елена улыбалась. Но в ее улыбке было столько же тепла, сколько в растянутых в оскале губах волчицы, загнавшей добычу. Между хищницей и жертвой еще оставалась пара шагов, но только потому, что волчица оттягивала момент, когда кровь, сладкая, горячая, густая кровь обольет нёбо. И тем слаще, что жертва уже обоняла запах зверя и почти чувствовала разрывающие плоть клыки. И была схвачена так же надежно, словно белоснежные зубы уже вспороли красную мякоть.

Шведов, оцепенев, глядел на женщину и понимал, что никогда уже не забудет этого жадного вожделеющего волчьего лица. Они соединены накрепко и навсегда. Женщина безумна, но он *хотел* ее безумия! Хотел, чтобы она разрушила его, разорвала его «я», как зверь разрывает тело...

Елена сделала шаг, маленький шажок вперед. Улыбка ее стала еще шире, белые зубы раздвинулись, показав розовую вздрагивающую выпуклость языка...

Глеб заподозрил неладное, когда увидел беспокойно топчущегося под дверью телохранителя.

– Ну-ка, братишка! – Стежень отодвинул не очень-то сопротивлявшегося парня в сторону и рывком распахнул двери.

В конце концов, это его собственный дом...

Одного взгляда ему хватило, чтобы разобраться в ситуации. Дьявол! Он предпочел бы этого не видеть.

– Т-та-а!

Резкий крик-выдох, от которого мышцы рефлекторно напрягаются... и рвут связующие чары.

Елена обернулась, и Глеб поразился – с такой быстротой маска ярости сменилась выражением ласкового внимания:

– А... Глебушка!

Стежень брезгливо скривил губы.

– Как Дима, Глебушка?

Шведов тем временем безвольно осел в кресло.

– Выкарабкивается.

Глеб загнал поглубже собственные «благородные» чувства. Ленка – одна из них, а этот новорус – наглая самоуверенная скотина. Наверняка позволил себе больше, чем положено... джентльмену.

– Не хочешь пойти переодеться? – спросил он. – Пороешься в моем гардеробе – наверняка найдешь что-нибудь подходящее. А завтра Кир свозит тебя в город.

– Спасибо, Глебушка! – Елена грациозным движением поправила волосы и вышла, ухитрившись задеть плечом и Шведова, и Стежня.

– Ну, бля... – выдохнул Виктор, присовокупив еще пару энергичных выражений. – Уж не знаю, доктор, благодарить мне тебя или ругать!

– Выпей лучше еще водки, – проворчал Стежень. – И я тебе не доктор.

Шведов воспользовался предложением.

– Хорошие грибочки, – похвалил он. – Где брал?

- В соседнем лесу.
- Слушай, хм, Глеб Игоревич, иди на меня работать? Платить буду много.
- Четыре штуки зелени, – сказал Стежень. – В неделю. Я отказался. Ты можешь больше?
- Могу, – ответил Шведов. – Но не буду.
- Правильно, – одобрил Глеб. – Эй, друг, – окликнул он топтавшегося в дверях бодигарда. – Войди, не маячь!
- Глеб Игоревич...
- Глеба достаточно.
- Что там с Грошним?
- Ты его знаешь? – удивился Стежень.
- Шурин, ёш его! Верней, был шурином.
- Еще не вечер. – Стежень налил себе коньяку, подобрал подсохший лимон. – Это я о «был», – пояснил Глеб.
- Шведов уставился на него:
- Не понял.
- Тогда сядь и слушай.
- На сей раз Стежень уложился в десять минут. Потому что не вдавался в подробности.
- Игоев сказал: есть определенный шанс, но ты особо не обольщайся, – завершил он. – Если это не смерть как таковая, то глубокая кома или вроде того, или вообще черт знает что. И тело морозили не по правилам, а человек – не лягушка, хотя... – Стежень криво усмехнулся, – кое в чем мы повыносливей лягушки. Вообще, это вещи, которые даже мне, специалисту, понять почти невозможно. – Стежень хмыкнул: объяснил, называется! – Шанс есть, – заключил он. – Но... Только потому, что так сказал Игоев. Доходчиво?
- Да! – нетерпеливо ответил Шведов. – Говори, что нужно?
- Сейчас – ничего. Сначала я должен вытрясти все, что знает Дмитрий. А потом придется ловить нашего друга. И тут ты можешь оказаться полезным.
- Если теперь тварь – мой Рустам, его прихватят! – уверенно заявил Шведов. – Всех на уши поставлю!
- Выследить, только выследить! – предупредил Стежень. – Это не человек. Взять его обычными методами практически невозможно, ты сам видел.
- Ни хера я не видел! – буркнул Шведов. – Это-то и убедительно. А кто может взять? Ты можешь?
- Глеб покачал головой:
- Попробовать могу, если подготовлюсь. Но результат сомнителен.
- А есть такие, кто твердо может? Экстрасенсов ваших – хоть жопой ешь! Я думаю, найдутся и покруче тебя.
- Наверняка, – согласился Стежень. – Но обычно те, кто покруче, не вопят об этом на каждом углу. Вопят как раз другие. Ладно, это задача номер два. Сначала надо его обнаружить.
- Он удрал на моей машине, – заявил Виктор. – Ее ведь нет? – обернулся он к своему бодигарду. Тот кивнул. – Надо только сообщить ГАИ, – сказал Шведов, – и без проблем!
- Он раскрыл телефон, но Стежень воспротивился:
- А если гаишники решат остановить машину? Если монстр примется прыгать из тела в тело – мы его окончательно потеряем.
- А если его не беспокоить, он так и останется Рустамом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.